

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigmata Poznání

№ 2, 2022

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko)
M. Banasik, Ph.D. (doctor v oboru humanitní vědy – Varšava, Polsko)
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko)
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogike – Praha, Česká republika)
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika)
prof. **N. G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko)
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika)
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko)
U. R. Kušaev, Ph.Dr., (doktor v oboru filosofie – Taškent, Uzbekistán)
prof. **N. V. Mit'jukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko)
prof. PhDr. **D. I. Ruziyeva** (profesor v oboru pedagogike – Taškent, Uzbekistán)
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika)
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika)
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika)
M. Szuppe, Ph.D. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie)
doc. **S. N. Šumakova**, Ph.D. (docent v oboru uměnovědy (Charkov, Ukrajina)
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko)
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko)
prof. **G. Ts. Velkovska**, PhDr. (profesor v oboru ekonomie – Sofia, Bulharsko)
RNDr. **P. Zamarovský**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika)

Recenzenti

doc. **Michail A. Antipov**, CSc. (docent v oboru filosofie – Penza, Rusko)
prof. **Iren Yu. Gats**, Ph.Dr. (profesor v oboru pedagogike – Moskva, Rusko)
doc. **Vage S. Davtyan**, Ph.Dr. (docent v oboru politologie – Jerevan, Arménie)
doc. **Diana V. Efimova**, CSc. (docent v oboru psychologie – Penza, Rusko)
doc. **Inessa O. Karelina**, CSc. (docent v oboru pedagogike – Rybinsk, Rusko)
prof. **Yuriy V. Mezdrikov**, Ph.Dr. (profesor v oboru ekonomie – Saratov, Rusko)
doc. **Snežana V. Yavon**, Ph.Dr. (docent v oboru sociologie – Samara, Rusko)

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání» publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy

Časopis je indexována podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (Indie)
- Scientific Journal Impact Factor (Indie)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,915

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2022.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2022.

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigms of knowledge

№ 2, 2022

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

International editorial board

prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia)
M. Banasik, Ph.D. (Humanities – Warsaw, Poland)
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland)
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic)
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic)
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia)
assistant professor **L. Krejčova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic)
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia)
U. R. Kushaev, DrSc. (Philosophy – Tashkent, Uzbekistan)
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia)
prof. **D. I. Ruziyeva**, Doctor of Pedagogical Sciences (Tashkent, Uzbekistan)
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic)
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic)
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic)
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France)
assistant professor **S. N. Shumakova**, PhD in Arts (Kharkov, Ukraine)
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia)
assistant professor **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia)
prof. **G. Ts. Velkovska**, PhDr. (Economics – Sofia, Bulgaria)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Iren Yu. Gats, Doctor of Pedagogical Sciences (Moscow, Russia)
Vage S. Davtyan, Doctor of Politological Sciences, assistant professor (Yerevan, Armenia)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Inessa O. Karelina, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Rybinsk, Russia)
Yuriy V. Mezdrikov, Doctor of Economical Sciences, professor (Saratov, Russia)
Snezhana V. Yavon, Doctor of Sociological Sciences, assistant professor (Samara, Russia)

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2022.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2022.

OBSAH

EKONOMICKÉ VĚDY

- Дорошина Е. Б.**
Тип конкуренции на рынке печатных СМИ в России..... 9

FILOZOFICKÉ VĚDY

- Slepecký J., Dušek J.**
Teorie katastrof – vybrané problémy a perspektivy 13

PEDAGOGICKÉ VĚDY

- Корчагина М. В.**
Анализ организации научно-исследовательской работы студентов
во внеучебном процессе колледжа..... 23
- Корчагина М. В.**
Программа организации научно-исследовательской работы студентов
во внеучебном процессе колледжа..... 27
- Осипова Н. В.**
К вопросу об организации студенческого туристского информационного центра 32

PRÁVNÍ VĚDY

- Ландо Е. В.**
Фильм «12 разгневанных мужчин» и «12» как отражение юридических систем
в США и России 36

UMĚNOVĚDA

- Shumakova S. N.**
Stage art as a special form of world understanding in symbols 42

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

- Snegireva L. V.**
Medical university adaptation process dynamics for clinical psychology students 48

SOCIÁLNÍ VĚDY

Ландо Е. В.

Почему культ любви к себе стал трендом, который приводит к обратному? 50

POLITICKÉ VĚDY

Markova Yu.

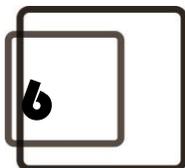
The United States' national strategic culture as applied to the Indo-Pacific region 54

Правила для авторов 57

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2022 году 59

Информация о научных журналах 60

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 61

CONTENTS

ECONOMICS

Doroshina E. B.

Type of competition in the print media market in Russia..... 9

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Slepecký J., Dušek J.

Disaster theory – selected problems and perspectives..... 13

PEDAGOGICAL SCIENCES

Korchagina M. V.

Analysis of the organization of research work of students in the extracurricular process of the college..... 23

Korchagina M. V.

The program of organization of research work of students in the extracurricular process of the college..... 27

Osipova N. V.

On the question of creating a student tourist information center 32

JURIDICAL SCIENCES

Lando E. V.

The film "12 angry men" and "12" as a reflection of the legal systems in the USA and Russia..... 36

ART STUDIES

Shumakova S. N.

Stage art as a special form of world understanding in symbols 42

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Snegireva L. V.

Medical university adaptation process dynamics for clinical psychology students 48

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Lando E. V.

Why has the cult of self-love become a trend that leads to the opposite? 50

POLITICAL SCIENCE

Markova Yu.

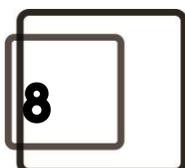
The United States' national strategic culture as applied to the indo-pacific region 54

Rules for authors..... 57

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan,
and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2022 59

Information about scientific journals..... 60

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 61

УДК 33

ТИП КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ В РОССИИ

Е. Б. Дорошина

*Студентка, ORCID 0000-0002-7492-6418,
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

TYPE OF COMPETITION IN THE PRINT MEDIA MARKET IN RUSSIA

E. B. Doroshina

*Student, ORCID 0000-0002-7492-6418,
NRU "Higher School of Economics",
Moscow, Russia*

Abstract. This article analyzes the Russian media market. In addition to perfect competition between newspapers and magazines, one can find signs of an oligopoly of publishing houses. The trends of monopolization and globalization bring their own changes to the work of the printed press. This work compares different sources on the development of the media in the country in order to identify the most accurate model for the existence of the media business.

Keywords: mass media; press; competition; media market.

Рынок СМИ в России представлен не одним изданием, что свидетельствует об отсутствии монополии, и, чтобы лучше понять способы конкурентирования газет и журналов, стоит разобрать общие термины медиарынка.

Помимо основных типов рыночных структур (монополии, олигополии и совершенной конкуренции) можно выделить монополистическую конкуренцию [2]. В этом случае продавцы производят однотипные товары для определённой категории населения. Товары этого типа дифференцированы, то есть поставляются разными компаниями и воспринимаются покупателями как эксклюзивные, однако разнообразие контента очень ограничено. По такому принципу работают некоторые тематические журналы: женский глянец, еженедельники со списком ТВ-программ. Более того, профессор Дж. Росс сформулировал термин «зонтичной конкуренции» [2]. Он отражает разделение СМИ по

степени распространения на какой-то территории. На самом вершине стоят национальные издания, ниже городские, дальше идут районы. По мнению медиаэкономиста, конкуренция осуществляется внутри каждого уровня или между соседними уровнями. Национальные СМИ концентрируются на большом охвате аудитории, поэтому и реклама в них нацелена на некую общую массу людей. Районные издания предпочитают рекламодатели с местным интересом, например, маленькие магазины этого района, которым не нужна большая огласка, но необходима высокая вовлечённость, будут давать объявления в локальных газетах, информирующие о датах прохождения меховой выставки в этом городе.

Говоря о рекламе, стоит разобраться в том, как именно могут конкурировать СМИ. Соревнование идёт на «межвидовом» и «внутривидовом» уровнях, то есть как между газетами, радио и телевидени-

ем, так и внутри самих печатных СМИ [1]. Более того, конкуренция идёт как на рынке рекламы, так и на рынке содержания. Это значит, что каждое издание борется за аудиторию в двух смыслах: в одном оно использует информацию как продукт для привлечения читателей, а в другом продаёт доступ к этим читателям через рекламу. Получается, СМИ выступают на рынке и товаров, и услуг. Чтобы получить возможность привлечь больше потребителей, издания концентрируются на определённой целевой аудитории и теме. Специализация помогает уменьшить конкуренцию. «Известия» и «Коммерсантъ» могут представлять собой конкурентов как информационные издания, но они вряд ли будут сильно вторгаться в тему моды, о которой пишет Vogue. Это демонстрирует разделение сфер влияния и появление внутри них своей конкуренции.

Vogue можно считать и примером и другой тенденции – интеграции зарубежных журналов в российский рынок. Это может свидетельствовать о некоей либерализации медиаэкономики и появлении новых конкурентов. Женские журналы стали появляться в России ещё в конце 1980-х, однако большой бум в сфере глянца произошёл в 1990-ые [6]. Тогда в страну пришёл Cosmopolitan от компании голландских инвесторов Independent Media. Его до сих пор можно увидеть в ларьках и магазинах. Таким же путём к нам пришли Esquire, Playboy, Marie Claire, Forbes. Известные мировые издательские дома (ИД) проникают на национальный рынок и адаптируют контент под страну. Более того, начинается выпуск новых журналов. Всё тот же ИД Independent Media совместно с Государственным Эрмитажем выпускал журнал по теме культуры и искусства «Эрмитаж», причём его распространение вышло за пределы Санкт-Петербурга. Можно сказать, что контент

печатной прессы в России становится более разнообразным, у читателей появляется выбор как между информацией и развлечением, так и между разными развлечениями. Конечно же, каждый журнал стремится к максимизации прибыли, что демонстрирует конкуренцию в сфере глянца, однако наличие крупных издательских домов не даёт возможности мелким изданиям получить такие же охваты. На более масштабном уровне происходит битва уже не между конкретными журналами, а между издательствами, которые выпускают несколько продуктов.

Концентрация СМИ, то есть слияние производств внутри одного издательского дома, приводит к созданию конгломератов. Это чревато сужением конкуренции до олигополии – системы, при которой существует несколько крупных игроков, контролирующих весь рынок. Эта тенденция существует не только в индустрии моды, где существование крупных издательств обосновано их мировым распространением. В этом случае понятно, что Россия является лишь одной из стран сбыта товара. Но внутри национального рынка создание концернов тоже не ново [3]. Всё началось с издательско-производственных объединений, которые включали в себя редакцию для создания контента и типографию для его реализации. Позднее стали появляться более сложные системы, такие как холдинг. В них находилось уже несколько редакций, которые группировались вокруг главной компании. Примером может служить «Коммерсантъ». Помимо основной газеты этот издательский дом выпускал тематические журналы «Деньги» и «Власть», которые закрылись в 2017 году и перешли исключительно на электронную версию, а также журнал «Огонёк». Концерны являются ещё более сложной системой, совмещающей несколько фирм. Существова-

ние таких крупных объединений даёт их владельцам большую устойчивость в прибыли, так как средства поступают из разных и печатных, и аудиовизуальных изданий, но для рядовой газеты, не входящей в состав конгломерата, конкурентная борьба становится более тяжёлой. А иногда крупные предприятия могут скупать мелкие издания и расширяться за их счёт.

Чтобы не допустить притеснения маленьких предприятий, существует Федеральная антимонопольная служба (ФАС). В России на законодательном уровне закреплена борьба с монополизацией рынка, поэтому обеспечением равных условий для предприятий занимается государство. Определить границы его вмешательства довольно трудно. Более того, обеспечить фирмы равными возможностями и доступом к рынку оказывается куда сложнее, чем просто устранить монополии с помощью санкций [4]. Для крупного картеля штрафы и налоги не будут существенным тормозным механизмом, так как доля прибыли у его участников будет гораздо больше. Производства объединяются для того, чтобы разделить географические и иные сферы влияния, а доходы от этого сотрудничества можно было разделить между владельцами. Конкретных примеров таких монополий нет, однако можно проследить, почему без союза между фирмами издательства не могут расширить своё производство. Проблема заключается в распространении подписных изданий по стране, которым занимается «Почта России». Избитый стереотип о её медлительности оказал своё воздействие и на медиарынок. Подписка на газеты и журналы всё менее популярна, а альтернативного варианта помимо продажи в розницу нет. Всё это приводит к тому, что отдельные издания не могут получить должную прибыль.

Крупные компании могут претендовать не только на значительную долю

национального рынка, но и на выход на международную арену. Стремление к преобразованию всей мировой территории в единое медиапространство для распространения информации отражает тенденцию к глобализации [5]. Благодаря этому процессу мы можем следить за международными новостями и событиями, а также читать зарубежные издания на русском языке, например, тот же глянец, который рассказывает о мировой моде. В мире не остаётся мест, откуда до нас не может прийти информация. Глобализация также проявляется в сближении различных культур и приходу к некой унификации. Это выражается в перенимании западных стандартов в освещении событий. Однако к сфере медиа больше применим термин глокализации, то есть совмещения в себе мировых достижений и локальной самобытности народов. Это значит, что СМИ не навязывают «вестернизацию», а учитывают местные знания, идеи, взгляды. Таким образом, медиаиндустрия ориентируется на Европу, но адаптирует её под индивидуальную страну.

Учитывая все вышеперечисленные тенденции и определения, можно сделать несколько выводов. Во-первых, на всероссийском уровне прослеживается высокая концентрация рынка вокруг медиа конгломератов, которые выпускают несколько газет или журналов для определённой аудитории. Это компании «Профмедиа», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ». Верхушка рынка больше похожа на олигополию с рядом исключений. Во-вторых, на более низких уровнях продолжает существовать относительная конкуренция. В регионах помимо локальных отделений крупных изданий (как местная «Комсомольская правда») существуют уникальные печатные СМИ, занимающие свою нишу. В моём родном городе есть газета «Наша Пенза», «Пензенская правда», до сих пор жив «Молодой ленинец». Кроме

того, есть различные газеты организаций или районов, которые распространяются в узком географическом пространстве и не затрагивают глобальные новости. В-третьих, общие тенденции развития прессы показывают расширение информационного пространства за счёт глобализации, и в то же время появление ряда ограничений из-за высокой концентрации СМИ в крупных конгломератах. Всё это вместе демонстрирует наличие ограниченной конкуренции, которая поддерживается антимонопольной службой и естественными процессами развития рынка.

Библиографический список

1. Варганова Е. Л. Медиаэкономика в системе современных исследований СМИ // Медиаскоп. – 2004. – № 1.
2. Варганова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 336 с.
3. Гуревич С. М. Экономика отечественных СМИ. – 4-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 296 с.
4. Ершов Ю. М. Медиарынок и бизнес. – Томск : ТГУ, 2011. – 102 с.
5. Маркина Ю. В. Специфика медийной глобализации и противоречия диверсификации западных СМИ // Вестник НГУ. – 2021. – № 6. – С. 180–191.
6. МIRONENKO Н. Н. Новые тенденции развития журнального рынка России // Медиаскоп. – 2007. – №1.

© Дорошина Е. Б., 2022.

Filozofické vědy

UDC 1

TEORIE KATASTROF – VYBRANÉ PROBLÉMY A PERSPEKTIVY

J. Slepecký

J. Dušek

*Docent, Ing., Ph.D., MBA ,
e-mail: jaroslav.slepecky@gmail.com,
Docent, Ing., Ph.D.,
e-mail: dusek@vsers.cz,
College of European and Regional Studies,
České Budějovice, Czech Republic*

DISASTER THEORY – SELECTED PROBLEMS AND PERSPECTIVES

J. Slepecký

J. Dušek

*Associate professor, Ing., Ph.D., MBA,
e-mail: jaroslav.slepecky@gmail.com,
Associate professor, Ing., Ph.D.,
e-mail: dusek@vsers.cz,
College of European and Regional Studies,
České Budějovice, Czech Republic*

Abstract. In the article, the authors analyze the problems of the disaster theory as a very important scientific discipline, which was greatly underestimated in the past. The mathematically demanding singularity theory of smooth mapping and the theory of bifurcations of dynamical systems make it difficult to use in practice. The authors present a mathematical model of the disaster theory and suggest its potential application mainly in disaster economy.

Keywords: disaster, disaster theory, mathematical model of a disaster, singularity theory, bifurcation, economy, disaster economy

Úvod

Teorie katastrof jako specifická vědní disciplína využívající poměrně složitý matematický aparát, vznikla v 70 letech 20. století. Jak uvádí Arnol'd, v časopise Newsweek se psalo o revoluci v matematice, kterou je možné porovnat s Newtonovým objevem diferenciálního a integrálního počtu (Arnol'd, 1986).

Problémem, proč teorie katastrof přišla až tak „pozdě“ je fakt, že potřebný matematický aparát je poměrně složitý a souvisí s takovými oblastmi matematiky, jako je klasifikace jednoduchých Lieových algeber, Coxeterove krystalografické grupy, teorie copů, teorie větvení parametrických integrálů atd. Souvisí i s klasifikací pravidelných mnohostěnů v

trojrozměrném euklidovském prostoru. Podle tehdejších vyjádření, teorie katastrof je univerzální metodou zkoumání skokových přechodů, zlomů a náhlých kvalitativních změn, co je pro katastrofy (černé labutě) charakteristické.

V 70. a 80 letech minulého století matematicky dopracoval teorii katastrof francouzský matematik René Thom (*1923 – +2002), který navrhl nazvat teorii singularit spolu s jejími aplikacemi teorií katastrof. Mimo jiné už v té době tvrdil, že *každá krize je zapříčiněná nedostatečnou regulací*. Posledních několik desetiletí se vedou odborné a politické diskuse na toto téma, tzn. kde je hranice optimální regulace. Různé státy a ekonomická uskupení nabízejí různá řešení (blíže viz

Paradigmata poznání. 2. 2022

těž Kavan, Brehovská, 2016, nebo Rédl, Ondruš, Felcan, 2021). Problémy s financováním deficitních rozpočtů i vlivem narůstajících důsledků globálních katastrof, jako např. pandemie COVID-19, přinášejí mnohdy zoufalá řešení.

1. Teorie katastrof

Základy teorie katastrof tvoří teorie singularit hladkých zobrazení amerického matematika Hasslera Whitneye, Poincarého a Andronovova teorie bifurkací dynamických systémů.

Zobrazení plochy do roviny přiřazuje každému bodu plochy nějaký bod v rovině. Jestliže je bod plochy určený souřadnicemi (x_1, x_2) a zodpovídající bod v rovině souřadnicemi (y_1, y_2) , tak zobrazení je určené dvojicí funkcí:

$$y_1 = f_1(x_1, x_2) \quad (1.1)$$

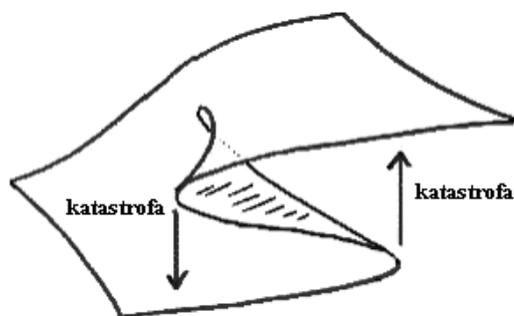
$$y_2 = f_2(x_1, x_2) \quad (1.2)$$

Zobrazení je hladké, pokud jsou funkce f_1 , f_2 hladké (t.j. diferencovatelné

dostatečně mnohokrát, tak jako např. polynomy).

Teorie singularit je velkolepým zevšeobecněním zkoumání maxim a minim funkcí. Ve Whitneyově teorii jsou funkce nahrazené zobrazeními, to znamená systémy několika funkcí více proměnných. Slovo bifurkace znamená rozdělení. Používá se v širokém významu na označení různých kvalitativních přestaveb nebo metamorfóz různých objektů při změnách parametrů, od kterých tyto objekty závisí. Po Whitneyově zakladatelské práci nastal prudký rozvoj teorie singularit a v současnosti je to jedna z centrálních oblastí matematiky. René Thom navrhl nazvat teorii singularit spolu s jejími aplikacemi, „teorií katastrof“ (Thom, 1975).

Katastrofami z pohledu teorie katastrof jsou označovány skokové změny vznikající jako náhlá odezva systému na pozvolnou změnu vnějších podmínek (obrázek 1).

Obrázek 1: Možná vizualizace skokové změny – katastrofy, v 3D prostoru

Zdroj: vlastní zpracování

Pokud stabilní rovnovážný stav vyjadřuje režim, který se v nějakém reálném systému (např. ekonomickém) už ustálil, tak při spojení tohoto stavu s nestabilním

rovnovážným stavem musí systém přeskočit na celkem jiný režim. Při změně parametru rovnovážný stav ve zkoumaném okolí mizí.

Skoky takového typu vedly k termínu „teorie katastrof“.

Ztráta stability rovnovážného stavu při změně parametru není nevyhnutně spojená s bifurkací samotného rovnovážného stavu. Ten může ztratit stabilitu nejen při splnutí s jiným rovnovážným stavem, ale i samostatně.

Jak uvádí Kováčik, 1997, dynamika sociálních a vývojových procesů stále zůstává dynamikou se svými známými zákony. K nim patří i popisování dynamických jevů prostřednictvím diferenciálních rovnic a jejich systémů.

1.1 Základní modely katastrof v teorii katastrof

V rámci teorie katastrof se používá sedm základních modelů katastrof:

- ohyb (fold),
- hrot (cusp),
- vlaštovčí ocas (swallowtail),
- motýl (butterfly),
- středový eliptický (elliptic umbilic),
- středový hyperbolický (hyperbolic umbilic),
- středový parabolický (parabolic umbilic).

a) ohyb (fold)

Ohyb je nejjednodušším vyjádřením katastrofy – vyjádření potenciálu je následující (obrázek 2):

$$V_a(x) = x^3/3 - a x$$

kde: V_a – potenciál,

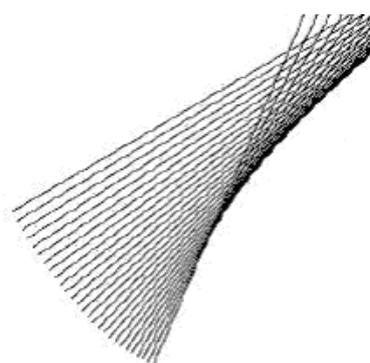
x – proměnná,

a – parametr.

Obrázek 2: Příklad modelu ohybu

Zdroj: Palko, 2003.

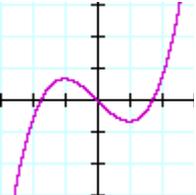
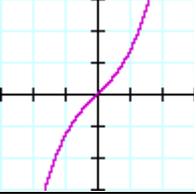
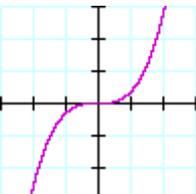
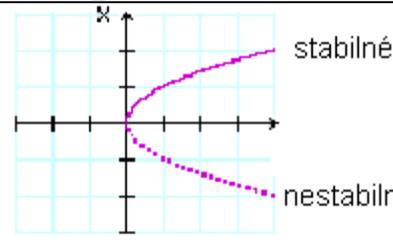

Obrázek 3: Příklad modelu ohybu (vizualizace)

Zdroj: vlastní zpracování

V případě ohybu můžeme mít kvalitativně dvě různé křivky.

	<p>Pokud $a > 0$ potom $Va(x)$ má jedno maximum a jedno minimum. Pokud je systém řízený pravidlem zpoždění, jeho stavová proměnná zůstává na svém minimu pro $x = +\sqrt{a}$. Pro hodnotu $x = -\sqrt{a}$ by byl systém v nestabilní poloze.</p>
	<p>Pokud $a < 0$ potom $Va(x)$ nemá ani maximum ani minimum. Hodnota $x = -\infty$.</p>
	<p>Hodnota $a = 0$ je kritická, toto zodpovídá prahové hodnotě. Pokud (a) klesá, (x) klesá s ním rychlostí zodpovídající \sqrt{a} než $(a) > 0$. Pokud hodnota (a) prochází nulou, (x) náhle skočí na minus nekonečno. Tento náhlý skok nazýváme katastrofa.</p>
	<p>Rovnovážní hodnota (x) by měla být kreslená v závislosti na (a). Křivku nazýváme rovnovážní rozmanitostí. V tomto případě je řídicí prostor jednorozměrný, a je tu jediná kritická hodnota, proto rozdělovací množina má jediný prvek $a = 0$.</p>

Obrázek 4: Příklady modelů ohybů

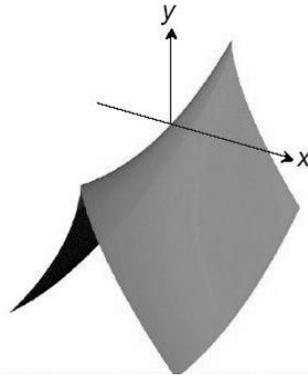
b) hrot (cusp)

Hrot je model, v kterém se rovina, prostor, rozdělí na tři oblasti pomocí speciální křivky, které tvar připomíná hrot. Po okrajích oblastí, tedy po křivce, se lineárně mění funkce, na základě které se počítá ukázkový výstup. Samotná teorie je založená na jevu překryvání se průmětu prostorové plochy na rovinu, čím vlastně vznikne neurčitost v tom smyslu, že při

přecházení průmětem není možné se jednoznačně shodnout na přesné hodnotě třetí souřadnice bez toho, abychom poznali historii vzniku. Uvedený model se hodí na prezentaci možných "přestupů" mezi překrývajícími se vrstvami. Existují tzv. stroje katastrof, kterými je možné tyto jevy namodelovat.

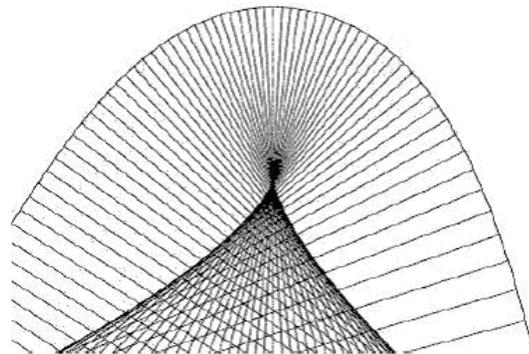
Jedna výstupní souřadnice řízená dvěma parametry (obrázek 5).

Paradigmata poznání. 2. 2022

Obrázek 5: Příklad modelu hrotu

Zdroj: vlastní zpracování

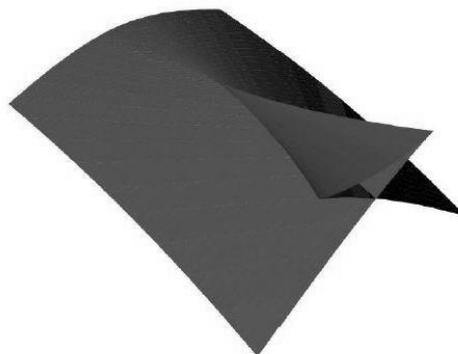

Obrázek 6: Příklad modelu hrotu (vizualizace)

Zdroj: vlastní zpracování

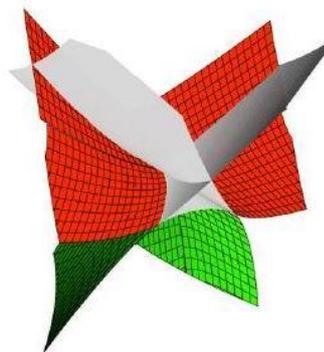
c) vlaštovčí ocas (swallowtail)

Jeden výstup závisí od třech parametrů.

Obrázek 7: Příklad modelu vlaštovčího ocasu

Zdroj: vlastní zpracování

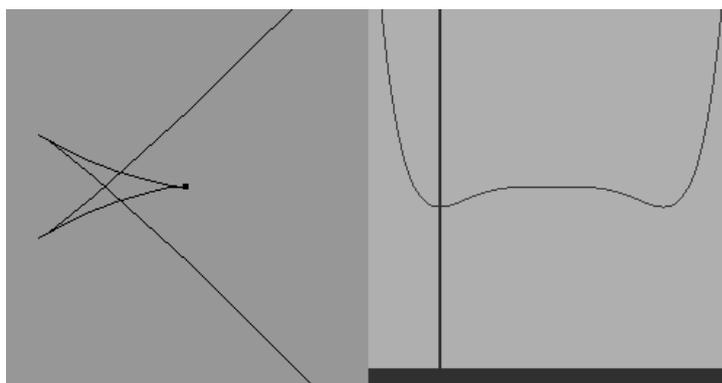

Obrázek 8: Příklad modelu vlaštovčího ocasu (vizualizace)

d) motýl (butterfly)

Čtyři parametry (motýl, sklon, rozdělení a normála) řídí jednu stavovou proměnnou. Pokud měníme rozdělení nebo normálu,

posouváme v řezu index. Při změně motýla a sklonu se posouvá řez v 4D prostoru, a je možné pozorovat, že rozdvajovací množina je zkreslená, tak jako přibližuje obrázek 9.

Obrázek 9: Příklad modelu motýla

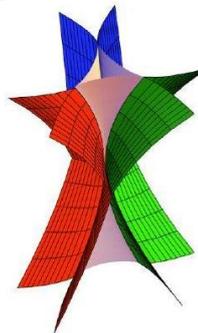
Zdroj: Palko, 2003.

e) středový eliptický (elliptic umbilic)

Uvedený typ katastrofy má dvě výstupní hodnoty, které ovlivňují tři parametry (obrázek 10).

Obrázek 10: Příklad středového eliptického modelu
Zdroj: vlastní zpracování

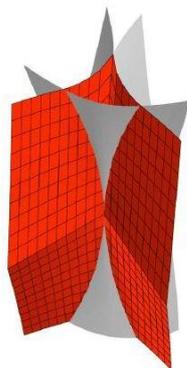
Obrázek 11: Příklad středového eliptického modelu (vizualizace)
Zdroj: vlastní zpracování

f) **středový hyperbolický (hyperbolic umbilic)** model, jen aplikace parametru je jiná (obrázek 12).

Tři parametry mají vliv na dvě hodnoty výstupu – podobně jako středový eliptický

Obrázek 12: Příklad středového hyperbolického modelu
Zdroj: vlastní zpracování

Obrázek 13: Příklad středového hyperbolického modelu (vizualizace)

Zdroj: vlastní zpracování

g) středový parabolický (parabolic umbilic)

Je nejsložitější katastrofa z výše jmenovaných: čtyři parametry určují tvar výsledku a dvě hodnoty.

1.2 Možnosti použití teorie katastrof

Vzhledem na diskusi, která s přestávkami probíhá, jsou možnosti použití teorie katastrof zejména v strukturální stabilitě jednotlivých zobrazení bifurkací. Důležité je také brát v úvahu specifické porovnání topologických charakteristik dvou jednoznačných závislostí diskontinuit v ekonomii. V těchto případech je teorie katastrof vhodnou metodou na použití s výběrem mezi komplexností moderních teorií a různorodostí dalších metod. Interaktivní části statistických modelů používaných ve fyzice mohou být dobrým příkladem. Další možnosti jsou založené na synergické myšlence. Synergický přístup má k teorii katastrof bližší vztah, než se původně předpokládalo.

Neodmyslitelnou součástí možností použití v budoucnosti je stoupající zájem o vícenásobné vyrovnání. Související modely vytvářejí možnosti pro základ vyrovnání, který tuto podobnost prostřednictvím teorie katastrof ukazuje jako možnou a použitelnou.

Modely mohou produkovat dynamické diskontinuity prostřednictvím kontrolovaných parametrů, různými cestami, které ovlivňují systém prostřednictvím bifurkačních bodů a oddělují jednu vyrovnanou oblast od druhé. Uvedená teorie se opírá o vědecké poznatky z druhé poloviny 19. století, kdy ji rozpracovaly Mangoldt, 1863, Walras, 1874, a Marshall, 1890.

Teorie katastrof má za sebou jednu z nejdramatičtějších polemických diskusí ve vědecké komunitě. Diskuse o kontroverznosti teorie katastrof byly zejména na konci 70. let 20. století. Výstupem nebylo podpoření používání teorie katastrof, ale právě naopak, až „pohrdání“ jejími možnostmi. Je třeba zdůraznit, že mezi matematikami v současnosti není jednoznačné kladné vyjádření k používání teorie katastrof. Největšími kritiky teorie katastrof byli Zahler a Sussman, kteří v roce 1977 publikovali ve vědeckém časopise Nature článek “Claims and Accomplishments of Applied Catastrophe Theory” (Zahler, Sussman, 1977) a o rok později články v časopise Synthese “Catastrophe Theory as Applied to the Social and Biological Sciences” (Sussman, Zahler, 1978a) a v časopise

Behavioral Science “A Critique of Applied Catastrophe Theory in Applied Behavioral Sciences” (Sussman, Zahler, 1978b). Mezi další kritiky patřil Kolata, který v roce 1977 publikoval článek v časopise Science pod názvem “*Catastrophe Theory: The Emperor has no Clothes.*” (Kolata, 1977).

Ačkoliv některé argumenty Sussmana a Zahlera byly podloženy, jejich kritika vedla k potlačení výzkumu v tomto směru. Na tento fakt upozornil ve své rozsáhlé kritice Rosser, 2007, ve své práci sumarizuje a ukazuje, že argumenty, použité proti teoriím katastrof, jsou chabé. Neexistence statistické teorie je na druhé straně problém, který způsobil, že se teorie aplikovala pouze kvalitativně. Kritici aplikace teorie katastrof argumentovali i tím, že existuje příliš mnoho nevyjasněných otázek. Empirické metody jako mnohomodální modely byly použité v ekonomii jen zatím zřídka (blíže viz např. Weidlich, Braun, 1992, nebo Slepecký, Ristvej, 2008). I kvůli diskusím se ekonomové jen sporadicky věnovali možnostem použití teorie katastrof na aplikace v ekonomii.

S úpadkem povědomí o teorii katastrof vzniklo několik alternativních metod modelování dynamických diskontinuit v ekonomii, některé však měly a mají spojení s teorií katastrof, jako například analýza vícenásobné rovnováhy dynamických systémů publikovaná v roce 1978 (Skiba, 1978).

Závěr

Faktem zůstává, že použití teorie katastrof v ekonomii má svoje omezení, ale i přesto by ekonomové neměli zatracovat možnosti použití teorie katastrof na studium dynamických diskontinuit. Rozumný základ teorie katastrof by se mohl a měl použít, protože teorie katastrof opisuje prudké změny chování systémů v závislosti od plynulých a malých změn veličin, které na daný systém působí, co se v současnosti stává stále častěji.

Podle našeho názoru a v důsledku pokroku ve vědě, je třeba skloubit poznatky z teorie katastrof a dalších disciplín, jako např. ekonomie a přispět pomocí vědeckých metod k řešení současných narůstajících důsledků globálních katastrof.

Literatura

1. ARNOED, V. I. 1986. *Teória katastrof*. Bratislava: Alfa, 1986. 107 p.
2. KAVAN, Š., BREHOVSKÁ, L. 2016. Spolupráce Jihočeského kraje a přeshraničních regionů se zaměřením na ochranu obyvatelstva. In *Proceedings of the Conference on 19th International Colloquium on Regional Sciences. Conference Proceedings (Čejkovic, June 15–17, 2016)*. Brno: Masarykova univerzita, 2016. pp. 907–914. ISBN 978–80–210–8273–1. DOI: 10.5817/CZ.MUNI.P210-8273-2016-117.
3. KOLATA, G. B. 1977. Catastrophe Theory: The Emperor Has No Clothes. In *Science*, Vol. 196, 1977, Issue 4287. ISSN 0036-8075, pp. 287–351.
4. KOVÁČIK, O. 1997. Niektoré aspekty teórie stability a teórie katastrof. In *Riadenie v krízových situáciách: 2. vedecká konferencia s medzinárodnou účasťou, Žilina, 21. a 22.1.1997. Zborník*. Žilina: Vojenská fakulta ŽU, 1997. pp. 110–123. ISBN 80-888-2916-X.
5. MANGOLDT, H. K. E. 1863. *Grundriss der Volkswirtschaftslehre*. Stuttgart: J. Engelhorn, 1863. 224 p.
6. MARSHALL, A. 1890. *Principles of Economics*. London: Macmillan, 1890. 754 p.
7. PALKO, M. 2003. *Teória katastrof* [online]. Košice: Technická univerzita v Košiciach, 2003 [cit. 2006-01-20]. Available at WWW: <<http://alife.tuke.sk/~palkom/bio-nove/katastrofy/>>.
8. RĚDL, M., ONDRUŠ, J., FELCAN, M. 2021. Using Measuring System Viewpointssystem© by Perception of Road Accident. In *Proceedings of 25th International Scientific Conference. Transport Means 2021 (Kaunas, October 6–8)*. Kaunas: Kaunas University of Technology, 2021. pp. 812–817. ISSN 1822-296X.
9. ROSSER Jr., J. B. 2007. The Rise and Fall of Catastrophe Theory Applications in Economics: Was the Baby Thrown Out with the Bath Water? In *Journal of Economic Dynamics and Control*, Vol. 31, 2007, No. 10. ISSN 0165-1889, pp. 3255-3280.
10. SKIBA, A. K. 1978. Optimal Growth with a Convex-Concave Production Function. In

- Econometrica*, Vol. 46, 1978, No. 3. ISSN 0012-9682, pp. 527–539.
- SLEPECKÝ, J., RISTVEJ, J. 2008. *Ekonomické dôsledky katastrof*. Žilina: Žilinská univerzita v Žiline, 2008. 136 p. ISBN 978-80-8070-830-6.
11. SUSSMAN, H. J., ZAHLER, R. 1978a. Catastrophe Theory as Applied to the Social and Biological Sciences. In *Synthese*, Vol. 37, 1978, No. 2. ISSN 0039-7857, pp. 117–216.
 12. SUSSMAN, H. J., ZAHLER, R. 1978b. A Critique of Applied Catastrophe Theory in Applied Behavioral Sciences. In *Behavioral Science*, Vol. 23, 1978, No. 4. ISSN 1099-1743, pp. 383–389.
 13. THOM, R. 1975. Catastrophe Theory: Its Present State and Future Perspectives. In MANNING, A. (ed.). *Dynamical Systems – Warwick 1974. Lecture Notes in Mathematics*. Vol. 468. Berlin: Springer-Verlag, 1975. pp. 366–389.
 14. WALRAS, L. 1874. *Éléments D'économie Politique Pure*. Lausanne: L. Corbaz, 1874. 407 pgs.
 15. WEIDLICH, W., BRAUN, M. 1992. The Master Equation Approach to Nonlinear Economics. In *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 2, 1992, No. 3. ISSN 0936-9937, pp. 233–265.
 16. ZAHLER, R., SUSSMAN, H. J. 1977. Claims and Accomplishments of Applied Catastrophe Theory. In *Nature*, Vol. 269, 1977, No. 10. ISSN 0028-0836, pp. 759–763.

© Slepecký J.,
Dušek J., 2022.

УДК 377

АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ ВО ВНЕУЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕДЖА

М. В. Корчагина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Korchagina.MV@yandex.ru,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

ANALYSIS OF THE ORGANIZATION OF RESEARCH WORK
OF STUDENTS IN THE EXTRACURRICULAR PROCESS OF THE COLLEGE

M. V. Korchagina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
e-mail: Korchagina.MV@yandex.ru,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article presents an analysis of the problems of organizing the research work of students in the extracurricular process of vocational education. The article also presents an analysis of the organization of research work of students of the College of Technology of Penza State Technological University.

Keywords: educational and research work; research work; students; secondary vocational education; organization.

В соответствии с актуальными установками совершенствования среднего профессионального образования (далее СПО) важное место в учебном процессе занимает научно-исследовательская работа студентов. Выпускник организаций среднего профессионального образования – должен владеть набором общих, универсальных и профессиональных компетенций, способствующих ориентироваться в экономических условиях, творчески подходить к устранению профессиональных проблем, принимать быстрые решения в нетипичных ситуациях, анализировать, прогнозировать развитие и адаптироваться к современным социально-экономическим процессам. Только это позволит быть конкурентоспособным, востребованным специалистом на современном рынке труда. Одной из возможностей формирования

профессиональной, творческой личности выпускника является научно-исследовательская работа студентов.

В организациях СПО сложилась определенная система научно-исследовательской работы студентов, которая осуществляется в двух направлениях: исследовательская деятельность, предусмотренная Федеральным государственным образовательным стандартом (далее ФГОС) СПО и учебным планом, и внеучебная исследовательская деятельность. Учебно-исследовательская деятельность на данный момент является составляющей образовательного процесса СПО и включена в учебный план в форме рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ. Таким образом преподаватели несут ответственность за организацию учебно-исследовательской ра-

боты студентов в рамках учебного плана [3]. В данном контексте важно отметить, что научно-исследовательская работа студентов во внеучебном процессе в ФГОС СПО не предусмотрена и нет четкой ее организации в процессе колледжа.

Изучение практики организации научно-исследовательской работы студентов показывает, что во многих учреждениях СПО существует система, направленная на формирования исследовательской деятельности студентов.

Управление системой научно-исследовательской работы студентов осуществляется, как правило, заместителями директора по научной работе или по воспитательной работе колледжа, и ее результативность в наибольшей степени зависит от них, а также от непосредственных организаторов этой работы. Сегодня в сфере СПО существуют разные структуры управления научно-исследовательской работой студентов. В одних колледжах организацией и управлением научно-исследовательской работы студентов (далее – НИРС) занимаются специальные отделы, в других – отдельные преподаватели. Уровни организации этой работы в каждом колледже свои. Основными целями организации и развития системы НИРС в учреждениях СПО являются повышение уровня научной подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием и выявление талантливой молодежи для последующего поступления в высшие учебные заведения [2].

Изучение практики организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжах показывает, что в СПО города Пенза нет научно обоснованной системы и программы организации научно-исследовательской работы студентов. В основном делается акцент на участие студентов в мероприятиях, которые учитываются при проведе-

нии мониторинга качества подготовки кадров. Считаем важным отметить, что одной из проблем, препятствующих организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжах является отсутствие в штатном расписании человека, ответственного за проведение научно-исследовательской работы студентов.

В рамках исследования нами проведено анкетирование преподавателей и студентов колледжа, с целью выявления проблем организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа. В данном анкетировании приняли участие 75 студентов и 15 преподавателей.

При анкетировании преподавателей на вопрос: «В чем Вы видите цель научно-исследовательской работы студентов колледжа?» – 38 % опрошиваемых выбрали ответ «развитии творческих способностей будущих специалистов», 27 % – «повышении уровня профессиональной подготовки студентов», 35 % – «повысить интеллектуальный уровень студентов». Можно сделать вывод, что преподаватели считают важным фактором в подготовке специалиста организацию научно-исследовательской работы студентов в колледже.

При этом на вопрос: «Какие виды научно-исследовательской работы студентов Вы используете в учебном процессе?» – преподаватели отвечают: «работу с книгой» – 18 %, «составление тезисов» – 10 %, «участие в кружках» – 0 %, «участие в студенческих конференциях» – 3 %, «участие в олимпиадах и конкурсах» – 7 %, «конспектирование» – 22 %, «участие студентов в научных исследованиях» – 0 %, «цитирование» – 0 %, «выполнение учебного реферата» – 21 %, «выполнение курсовой работы» – 19 %. Таким образом, из всех представленных видов научно-

исследовательской работы студентов в учебном процессе колледжа чаще всего используется достаточно традиционные виды научно-исследовательской работы студентов. В рамках нашего исследования важно отметить, что виды НИРС во внеучебном процессе колледжа редко используются преподавателями.

На вопрос: «Испытываете ли Вы трудности по организации учебно-исследовательской деятельности в процессе преподавания своего предмета?» ответили 8% – «всегда», 12% – «время от времени», 23% – «изредка», 57% – «никогда». На следующий вопрос: «Используете ли Вы знания по организации НИРС во внеучебном процессе колледжа?» – преподаватели ответили: 52% – «не понимаю в каких случаях и не думаю, что это необходимо», 20% – «использую периодически», 18% – «использую в процессе подготовки к внеурочным занятиям», 10% – «использую в самостоятельной научно-исследовательской работе».

Целесообразно было задать следующий вопрос: «С какими трудностями Вы сталкиваетесь при организации НИРС во внеучебном процессе колледжа?»: 45% ответили – «отсутствие свободного времени у преподавателей»; 39% – «не хватает знаний по организации НИРС во внеучебном процессе колледжа»; 16% – «большая загруженность студентов».

Из этого следует, что преподаватели колледжа не испытывают трудности при организации учебно-исследовательской работы студентов на занятиях. А вот при организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа преподаватели все же понимают, что недостаточно подготовлены к использованию их в полном объеме [1].

Несколько схожая картина наблюдается у студентов по сходным вопросам анкеты преподавателей. Так, на вопрос: «В чем Вы видите цель участия в НИРС?» –

ответ «повысить свой интеллектуальный уровень, овладев навыками исследовательской работы» выбрали максимальное количество студентов – 48%, ответ «знания и умения исследовательской работы позволят в совершенстве овладеть профессией» – 30%, ответ – «навыки исследовательской деятельности упростят мне в будущем профессиональную деятельность» – 20%.

На вопрос «Какие виды научно-исследовательской работы Вы знаете?»: 21% ответили «написание курсовой (дипломной) работы», 1% ответили «написание статей», 25% – «работу с книгой», «составление тезисов» – 7%, «участие в кружках» – 0%, «участие в студенческих конференциях» – 2%, «участие в олимпиадах и конкурсах» – 8%, «конспектирование» – 18%, «участие студентов в научных исследованиях» – 0%, «цитирование» – 0%, «выполнение учебного реферата» – 18%. Результат данного вопроса подтверждают наши выводы о том, в учебном процессе колледжа чаще всего используется достаточно традиционные виды научно-исследовательской работы студентов.

На следующий вопрос «Как Вы оцениваете степень своей вовлеченности в НИРС в колледже?»: 6% ответили «высоко», 17% – «средне», 63% – «низко», 14% – «затрудняюсь ответить».

На вопрос «Как Вы считаете, каким образом в учебном и внеучебном процессе колледжа преподаватель может заинтересовать студентов заниматься НИРС?»: 21% ответили «давать как можно больше и интереснее тем рефератов, эссе», 14% – «проводить научно-практические занятия по определенным темам», 17% – «проводить научные конференции», 8% – «привлекать к работе над собственными научно-исследовательскими проектами», 3% – «готовить совместные научные публикации», 19% – «организовывать встречи с

учеными и практиками», 18 % – «дополнительными оценками».

Уровень желания заниматься научно-исследовательской работой в колледже, согласно результатам опроса, недостаточно высокий. Уровень участия в научно-исследовательской работе низкий. В итоге 77 % студентов не занимаются научно-исследовательской деятельностью. Большинство студентов, участвующих в опросе, не совсем понимают роль и значение научно-исследовательской работы студентов, не в полной мере представляют смысл научно-исследовательской работы студентов в процессе колледжа.

Наибольшее количество студентов связывают научно-исследовательскую деятельность с написанием курсовых и дипломных работ. Это может свидетельствовать о недостаточном знании студентами видов и форм научно-исследовательской работы. Таким образом, результаты анкетирования показали, что привлечение студентов к участию НИРС эффективно, но носит единичный характер.

Исходя из результатов анкетирования, мы выявили основные проблемы организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа.

1. Отсутствие мотивации у студентов.

2. Недостаточная информация о проводимых мероприятиях в рамках научно-исследовательской работы студентов.

3. Недостаток информации, получаемой в рамках учебной программы, для осуществления исследований.

4. Непонятность организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа.

5. Недостаточная поддержка студентов со стороны преподавателей.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что организация научно-исследовательской работы УДК 377

студентов – это сложный компонент работы СПО, включающий в себя совокупность мотивационной сферы студента, обеспечение которой берет на себя педагог. Для этого в образовательном учреждении должна быть создана программа по организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа, направленная на повышение качества профессиональной подготовки будущих специалистов, на развитие познавательного интереса и самостоятельности студентов.

Вся деятельность по организации научной работы студентов должна носить системный характер. Конечным результатом организации научно-исследовательской работы студентов в образовательном учреждении является формирование личностных качеств студента, его мотивации, рефлексии и созданы условия для повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов.

Библиографический список

1. Родина Е. В. анализ организации учебно-исследовательской деятельности студентов колледжа // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 127–130.
2. Афанасьев, В. В., Грибкова О. В., Уколова Л. И. Методология и методы научного исследования : учебное пособие для вузов. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 154 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/492350> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Куклина, Е. Н., Мазниченко М. А., Мушкина И. А. Основы учебно-исследовательской деятельности : учебное пособие для среднего профессионального образования. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 235 с. URL: <https://urait.ru/bcode/491765> (дата обращения: 28.04.2022).

© Корчагина М. В., 2022.

ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ВО ВНЕУЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕДЖА

М. В. Корчагина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Korchagina.MV@yandex.ru,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

THE PROGRAM OF ORGANIZATION OF RESEARCH WORK OF STUDENTS IN THE EXTRACURRICULAR PROCESS OF THE COLLEGE

M. V. Korchagina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
e-mail: Korchagina.MV@yandex.ru,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article presents the developed program for the organization of research work of students of secondary vocational.

Keywords: research work, secondary vocational education, program.

Изучение теории организации научно-исследовательской работы студентов (далее НИРС) системы среднего профессионального образования (далее СПО) раскрыло противоречия между меняющимися условиями к качеству деятельности будущего специалиста, обуславливающими необходимость в установке на развитие личности его профессиональной культуры, что является гарантом стабильности и профессиональной самореализации человека на различных этапах жизни, и готовностью студентов СПО приспосабливаться к ним по причине недостаточно действенной организации научно-исследовательской работы студентов [2].

Решение данной проблемы требует разработки программы организации НИРС во внеучебном процессе колледжа.

Далее рассмотрим более подробно разработанную программу организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа (на примере Колледж Технологический Пен-

зенского государственного технологического университета).

Цель программы: создать и реализовать условия для повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов через научно-исследовательскую работу студентов во внеучебном процессе колледжа для последующего обучения в высших учебных заведениях.

Задачи программы:

1. Выявить отношение студентов к научно-исследовательской работе, определить интересы и сформировать научные команды по направлениям научно-исследовательской работы, реализуемые в колледже.

2. Научить студентов планировать научно-исследовательскую деятельность посредством разработки дорожной карты «Исследование – путь к успеху».

3. Создать условия для подготовки и участия студентов во внутривузовских,

всероссийских, международных и дистанционных научных мероприятиях.

4. Сформировать умения и навыки студентов обобщения и презентации научных результатов.

Предлагаемая нами программа организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа состоит из следующих этапов:

1 этап. Мотивационно-организационный.

Мотивационной сфере исследовательской деятельности студентов посвящены, в частности, работы Д. Б. Богоявленской, Дж. Дьюи, А. Маслоу, Д. Халперн, М. Г. Ярошевского. Так, в работах Д. Халперн рассматривается мотивационный профиль студентов в процессе формирования интереса к научной деятельности. Исследователи пришли к выводу, что существуют различные мотивационные сочетания, которые приводят к успехам в научно-исследовательской деятельности [2].

Мотивация влияет на успешное функционирование научно-исследовательской работы студентов, если в соответствии с поставленными целями будет осуществлено комплексное решение следующих задач: формирование мотивации к научно-исследовательской деятельности студентов; создание благоприятных условий для раскрытия и реализации творческих способностей студентов, поддержка их научно-технического творчества; повышение массовости и результативности участия студентов в научных мероприятиях. Чтобы студенты овладели научно-исследовательской деятельностью, необходимо формировать у них стойкий интерес к данному виду деятельности

Мотивационно-организационный этап обеспечивает формирование мотивов личности студента, а также готовность студентов к самостоятельной исследовательской деятельности.

Задачи 1 этапа – выявить отношения студентов к научно-исследовательской работе, определить интересы и сформировать научные команды по направлениям научно-исследовательской работы, реализуемым в колледже; научить студентов планировать научно-исследовательскую работу посредством разработки дорожной карты «Исследование – путь к успеху».

На этапе диагностики проводится комплекс диагностических методик на выявление уровня развития творческих способностей обучающихся 1 курса, их интересов в научно-исследовательской деятельности, роли в коллективе. Это необходимо для определения потенциальных научных руководителей студентов, а также для разработки содержания мероприятий научно-исследовательской направленности.

В начале учебного года преподаватели формулируют примерные темы исследовательских работ, которые записывают в своих планах индивидуальной работы. В течение года темы могут корректироваться и уточняться. Далее преподаватели выбирают обучающихся, с которыми они будут работать над данной исследовательской темой. Время проведения – сентябрь-ноябрь, ежегодно.

Обучение студентов планировать научно-исследовательскую деятельность посредством разработки дорожной карты «Исследование – путь к успеху» реализуется организацией серии мастер-классов и занятий во внеучебное время.

Результат 1 этапа заключается в ранжировании студентов по уровню творческих способностей; распределение студентов по интересам, развитие навыков презентации научного продукта и навыков самопрезентации, дорожная карта «Исследование – путь к успеху»

2 этап. Технологический

Основная задача второго этапа: создать условия для подготовки и участия студентов во внутриорганизационных, всероссийских, международных научных мероприятиях.

На данном этапе происходит овладение студентами системой теоретических знаний и практических умений, необходимых для успешной организации и проведения научно-исследовательской работы через факультативный курс «Исследовательская деятельность».

Руководство и преподаватели колледжа при выборе научных мероприятий для участия студентов опираются на перечень конкурсов и олимпиад профессионального мастерства обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, учитываемых при проведении мониторинга качества подготовки кадров за 2020 год.

Финал национального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) это самые масштабные в России соревнования профессионального мастерства по стандартам WorldSkills среди студентов средних и высших профессиональных образовательных учреждений.

Всероссийский открытый конкурс научно-исследовательских, изобретательских и творческих работ обучающихся «Национальное достояние России» это мероприятие для студентов, которые занимаются научной или исследовательской деятельностью. Национальная система «Интеграция» предлагает участникам создать проект со своими идеями, разработками или исследованиями и представить его для оценки перед экспертным жюри.

Международный дистанционный конкурс «Olimpis» по предметам. Основной целью образовательных конкурсов «Olimpis» является заинтересовать студентов изучаемыми предметами и повысить мотивацию к учёбе.

Всероссийский молодежный конкурс научно-исследовательских и творческих работ – Всероссийский молодежный форум по проблемам культурного наследия, экологии в безопасности жизнедеятельности «ЮНЭКО». Основной целью проведения конкурса является привлечение молодёжи к проблемам экологической безопасности как важнейшему компоненту национальной безопасности, благополучию и здоровью населения и экономическому развитию всех отраслей народного хозяйства, развитие комплексного подхода к системе экологического просвещения, воспитания, образования, как основы формирования экологической культуры. Участие в заочном туре Всероссийского конкурса научно-исследовательских и творческих работ по проблемам культурного наследия, экологии и безопасности жизнедеятельности.

Участие в форуме «Инициатива». Целью форума является формирование у молодёжи активной гражданской позиции, мотивирование к созданию идей для разработки новых молодежных проектов.

Участие в проектах на платформе «Россия — страна возможностей» таких как студенческая олимпиада «Я — профессионал», конкурс «Цифровой прорыв», конкурс «Абилимпикс».

Помощь в реализации перспективных проектов обучающихся, обеспечение участия обучающихся в научных мероприятиях различного уровня, сопровождение студентов в подготовке заявок на гранты, помощь в самостоятельном научном поиске, своевременное информирование обучающихся о запланированных научных мероприятиях оказывает научно-проектный кампус как проект по созданию образовательной среды нового типа – креативно-образовательно-делового пространства Пензенского государственного технологического университета (далее ПензГТУ).

Цель деятельности Кампуса – популяризация научно-исследовательской и проектной деятельности, повышение её результативности, развитие и реализация интеллектуального потенциала вуза [1].

Результаты участия студентами в научных мероприятиях учитываются в рейтинговой системе оценки учебных достижений по дисциплинам преподавателя.

3 этап. Аналитический

На последнем этапе важно сформировать умения и навыки студентов обобщения и презентации научных результатов.

Конкурс портфолио студентов. Конкурс направлен на выявление и поощрение студентов, добившихся высоких результатов в научно-исследовательской работе. Является этапом отбора студентов для последующего обучения в высших учебных заведениях. Так порядок учета индивидуальных достижений поступающих в ПензГТУ предполагает начисление

баллов за участие в конкурсе, конференции, выставке, а также за научные публикации любого уровня. Поэтому студенты колледжей, ориентированные на получение высшего образования, должны активно участвовать в научно-исследовательской работе.

К организации НИРС во внеучебном процессе колледжа нельзя подходить как к поочередному развитию отдельных компонентов, должно осуществляться комплексное воздействие на студентов. Поэтому особенностью реализации данной программы является осуществление в процессе обучения через усиление ее практической направленности на самостоятельную работу студентов, что способствует овладению всеми компонентами научно-исследовательской деятельности. Представим в таблице технологию организации НИРС во внеучебном процессе колледжа.

Технология организации научно-исследовательской работы студентов во внеучебном процессе колледжа

Этапы	Формы	Методы
Мотивационно-организационный	Проблемный урок, урок-дискуссия, направленный на составление дорожной карты «Исследование путь к успеху», мастер-класс.	Метод проблемного изложения, эвристическая беседа, дискуссия, мозговой штурм, творческие самостоятельные работы.
Технологический	Конкурсы, форумы, научные конференции, олимпиады, индивидуальные и групповые консультации, факультативный курс «Исследовательская деятельность».	Мозговой штурм, ролевые и деловые игры, творческие самостоятельные работы, практические и теоретические задания проблемного характера, анализ конкретных ситуаций, метод проектов, написание эссе, проблемно-поисковые упражнения, самостоятельная работа

Аналитический	Индивидуальные и групповые консультации, конкурсы.	Метод проблемного изложения, метод проектов, проблемно-поисковые упражнения, эксперимент, самостоятельная работа
---------------	--	--

Таким образом, грамотно организованная научно-исследовательская работа студентов во внеучебном процессе колледжа способствует достижению качественно новых результатов в подготовке специалистов среднего звена, способных к самостоятельному творческому развитию, формированию у них новых системных качеств, интеграции теоретической фундаментальности образовательного процесса с практико-ориентированностью, готовых к продолжению обучения в системе высшего образования.

Библиографический список

1. Сергеева С. В., Дианова Ю. А. Кампус: сущность понятия и классификация типов // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 6-1. С. 186–190.
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/doc20101231_016

© Корчагина М. В., 2022.

УДК 379.85

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО ТУРИСТКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Н. В. Осипова

*Магистрант,
ORCID: 0000-0002-2345-8191,
e-mail: O_Natali_V@mail.ru,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

ON THE QUESTION OF CREATING A STUDENT TOURIST INFORMATION CENTER

N. V. Osipova

*Undergraduate,
ORCID: 0000-0002-2345-8191,
e-mail: O_Natali_V@mail.ru,
Penza State Technological University,
Penza, Russia*

Abstract. The article is devoted to the problem of creating one of the elements of the tourist destination system - the tourist information center (TIC). In countries with a high level of tourism, TICs are an integral element of the promotion system for each destination. However, in a specific domestic situation with a limited potential of the tourism market, a university can act as the initiator and main driving force of the TIC.

Keywords: student tourist information center.

Сегодня индустрия туризма является одним из наиболее специфических секторов экономики. Несмотря на препятствующие глобальные факторы, такие как нестабильность политической и экономической ситуации в мире, а также капризы погоды и сезонность, туризм продолжает развиваться высокими темпами.

В современном мире приоритетом государственного управления в сфере развития туризма стал поиск эффективных инструментов управления, способствующих пространственному развитию дестинации и продвижению имиджа российских городов. В таких условиях организационные аспекты туристической деятельности претерпели серьезные преобразования. В настоящее время развитие индустрии туризма характеризуется формиро-

ванием туристического информационного пространства, которое может связывать различные культурные и экономические ценности, а также обеспечивает взаимодействие участников туристического рынка в городах, странах и даже континентах. Одним из основных инструментов формирования внутреннего информационного пространства являются туристические информационные центры – ТИЦ.

Туристский информационный центр создается с целями обеспечения условий для развития въездного и внутреннего туризма, продвижения регионального турпродукта и формирования единого информационного туристского пространства.

Студенческий ТИЦ создается с целью организации в образовательном учреждении единого информационного простран-

ства, освещающего туристскую деятельность на уровне образовательного учреждения и информирующего о событиях в сфере туризма на уровне региона.

Функциональное назначение студенческого ТИЦ заключается в создании качественных и безопасных условий для:

- распространение информации среди учащихся о туристских возможностях Пензенской области, о событийных мероприятиях и туристских маршрутах региона;
- воспитание у студентов устойчивого интереса к изучению туристского потенциала Пензенской области;
- формирование у учащихся интереса к туризму как к способу организации здорового досуга.

ТИЦ – открытая структура, она позволяет конструировать под реальные условия и локальные задачи содержание, формы и средства обучения. Ключевой особенностью студенческого ТИЦ является единство содержательного, кадрового и инфраструктурного компонентов.

Информационное сопровождение реализации студенческого ТИЦ осуществляется в соответствии с примерной информационной стратегией.

«Ожидаемыми результатами внедрения студенческого ТИЦ могут стать:

- увеличение количества студентов, участвующих в различных мероприятиях молодежного туризма, краеведения и проектам;
- увеличение количества новых дополнительных общеразвивающих программ туристско-краеведческой направленности в соответствии с образовательными потребностями и индивидуальными возможностями студентов, интересами семьи и общества, региональной идентичностью;
- увеличение количества участников, призеров и победителей туристских и краеведческих мероприятий;

- увеличение количества выявленных и поддержанных молодых талантов» [1].

Концептуальные идеи студенческого туристского информационного центра.

Туризм – это знание. Деятельность ТИЦ ориентирована на познание своей страны, своего родного края, его исторического, природного, культурного наследия. В то же время студенты вовлекаются в активную поисковую и исследовательскую деятельность в области рекреационного сервиса и регионоведения. Взаимодействие в рамках модели ТИЦ предполагает активную опору на жизненный опыт и знания студентов при подготовке и проведении поездок.

Туризм – это любовь к родине, к своей родной земле. Совершая походы по родному краю, по бескрайним просторам России, студенты воочию убеждаются в могуществе нашей страны, богатстве ее неисчислимых природных ресурсов, разнообразии исторических, культурных, природных памятников. Ребятам не оставляет равнодушными негативное антропогенное вмешательство человека в уникальную природу, безразличие к сохранению историко-культурного наследия страны.

Туризм – это работа. Участие в работе ТИЦ предполагает приобретение и развитие таких социально значимых качеств студентов, как трудолюбие, настойчивость, целеустремленность. Деятельность в рамках ТИЦ требуют систематической работы, в результате которой формируется отношение к труду как к социально и лично значимой ценности. В условиях автономного существования туристической группы, в походе или поездке, студенты понимают, что только их труд является основой для успешного преодоления маршрута.

Туризм – это здоровье. Обязательно половина учебного времени общения в ТИЦ будет тратиться на практические

тренировки, походы и соревнования на открытом воздухе. Регулярные занятия общей и специальной физической подготовкой, походы способствуют закаливанию, укреплению здоровья и физическому совершенствованию молодежи. Правильное дозирование физической нагрузки преподавателем способствует укреплению опорно-двигательного аппарата, системы кровообращения, предупреждению, профилактике и лечению респираторных заболеваний, что в современных условиях является немаловажным.

Туризм – это общение и взаимопомощь. Занятия в рамках ТИЦ предполагают тесное общение студентов на всех этапах занятий (подготовка, проведение и подведение итогов поездок). Взаимопомощь как средство решения многих больших и малых проблем воспринимается молодыми туристами как нечто само собой разумеющееся. Важно помнить, что дружба, сплоченность группы – это одно из условий безопасности ее действий.

«Туризм – это независимость действий, принятия решений, при условии заботы о благополучии всех членов группы, независимость с высокой степенью ответственности за собственную безопасность и безопасность группы в целом.

Туризм – это социализация личности. Совместная деятельность в туристском объединении способствует быстрой адаптации студентов к условиям социальной среды, приобретению навыков решения проблемных социальных ситуаций, деятельности в микро- и макрогруппах, формированию внутренней позиции личности, формирует рефлексию на культурные, психологические и социальные различия членов группы и внешние условия, в которых находится группа. В то же время студенты развивают личностные качества, необходимые для взаимодействия в команде, для осознания необходимости

единства слова и дела, полезного намерения. В условиях туристической деятельности формируется мотивация, направленная на самосовершенствование и самореализацию, умение принимать решения и нести за них ответственность, навыки целеполагания» [1].

Перечисленные факторы являются необходимыми и достаточными условиями для воспитания человека, способного к творческому труду, к защите Отечества – патриота своей Родины.

Деятельность студенческого ТИЦ может включать следующие образовательные практики (модули), определяющие содержание образовательной деятельности:

- 1) практики специализированного образовательного и пространственного молодежного туризма, включающие такие тематические блоки, как экологический туризм, образовательные путешествия, учебно-исследовательский (экспедиционный) туризм, приключенческий туризм, сельский туризм, экскурсионный туризм, религиозный туризм и т. д.;
- 2) практики массового событийного туризма, включая поездки выходного дня, фестивали, экскурсии, конкурсы, профильные и тематические смены и т. д.;
- 3) занятия спортивным (спортивно-оздоровительным) туризмом и спортивным ориентированием, включая как пеший, лыжный, горный, водный, велосипедный и другой туризм, так и спортивное ориентирование бегом, ездой на велосипеде, лыжное ориентирование, точное ориентирование и т. д.;
- 4) практики экстремального туризма, включая такие тематические блоки, как альпинизм, спелеология, рафтинг, дайвинг, катание на горных велосипедах, прыжки с парашютом и бейсджампинг, виндсерфинг и т. д.

Представленные темы образовательных модулей являются образцовыми и открытыми с учетом вышеуказанных основополагающих положений. Образовательные направления (модули) могут быть реализованы как по отдельности, так и в сочетании.

«Запланированные общеразвивающие программы могут комбинироваться, содержать модули различной тематики, обеспечивающие удовлетворение индивидуальных запросов на поиск и реализацию интересов, разностороннее физическое развитие и укрепление здоровья, формирование личностных качеств и специальных навыков для решения проблемных жизненных ситуаций, а также формирование установок на успешную достижение целей» [2].

Итак, ключом к определению сути студенческого ТИЦ является взаимодействие. Она направлена на создание обширного информационного поля и организацию социального взаимодействия между субъектами туризма. Студенческий ТИЦ должен стать основой для формирования информационного поля внутренне-

го туризма в Пензенской губернии и Приволжском федеральном округе и подготовки студентов к практической деятельности по продвижению туристических продуктов и координации различных туристических услуг.

Библиографический список

1. Дуганова Л. П. Общеразвивающая программа в дополнительном образовании детей: методические рекомендации по разработке программы ДПО: учебное пособие // Библиотека журнала Методист. – 2013. – № 10. – С. 4–92.
2. Ананьева Т. Н., Илюхина Г. И., Кирьянова Л. Г., Юматов К. В. Социально-партнерское взаимодействие институциональных структур при подготовке кадров для туристской отрасли // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 7. 2015. № 2 (62). – С. 47–53.
3. Шаталов Г. О роли туристско-информационных центров в развитии туризма // Национальный туристический портал России. URL: <http://www.russiajourney.ru/2015/o-rol-i-turistsko-informacionnyh-centrov-v-razvitii-turizma> (дата обращения: 23.05.2022).

© *Осипова Н. В.*, 2022.

УДК 908(470)

**ФИЛЬМ «12 РАЗГНЕВАННЫХ МУЖЧИН»
И «12» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ СИСТЕМ В США И РОССИИ**

Е. В. Ландо

*Студентка,
e-mail: klando@inbox.com,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

**THE FILM "12 ANGRY MEN"
AND "12" AS A REFLECTION OF THE LEGAL SYSTEMS
IN THE USA AND RUSSIA**

E. V. Lando

*Student,
e-mail: klando@inbox.com,
National Research University “
Higher School of Economics”,
Moscow, Russia*

Abstract. This essay examines the legal system in particular the institution of jury trial and its role in the judicial system of Russia and the United States on the example of two films – "12 Angry Men" by Sidney Lumet and "12" by Nikita Mikhalkov.

Keywords: a legal system; jury trial; 12 Angry Men; Russian judicial system; American judicial system.

Юридическая система разных стран отличается своей правовой культурой и правореализацией. Суд присяжных является одним из институтов судебной системы, то есть частью юридической системы. Он представляет собой коллегия присяжных заседателей, отобранных случайно только для одного дела и решающих вопросы факта, и одного профессионального судьи, который решает вопросы права. Суд присяжных рассматривает уголовные дела по обвинениям, как правило, в тяжких преступлениях в первой инстанции. В некоторых странах, включая Россию, суд присяжных возможен лишь в уголовном судопроизводстве. В Соединенных Штатах Америки же существует другая судебная практика. В этом эссе я

рассмотрю институт суда присяжных и его роль в России и США на примере двух фильмов – «12 разгневанных мужчин» Сидни Люмета и «12» Никиты Михалкова. Кроме института суда присяжных, я уделю внимание юридической системе двух стран – принципам и отличиям обеих правовых систем.

Для начала кратко рассмотрит сюжет обоих фильмов. Российский фильм – ремейк американского, поэтому обе киноленты объединены одним и тем же сюжетом. Двенадцать мужчин, выбранных в качестве присяжных заседателей, решают, виновен ли 18-летний юноша, убивший своего отца. Заседателей помещают в закрытое помещение, где они проводят первое голосование. Одиннадцать человек

поднимают руку за вердикт «виновен» и только один мужчина голосует за невиновность подсудимого. В голову этого мужчины закралось сомнение, поэтому он не может вынести смертный приговор, если не уверен в виновности юноши наверняка. Мужчина начинает убеждать и других заседателей, и вместе они опровергают все аргументы судьбы в пользу вины юноши. В итоге, суд присяжных оправдывает подсудимого.

Первое, на что обращаешь внимание, анализируя оба фильма – это акценты. В американской киноленте показана процедура суда присяжных, описано то, как именно должны трактоваться сомнения – четко, ясно, аргументированно, с проверкой всех фактов. Этот фильм – прямая инструкция для присяжных заседателей. Фильм российского производства вместо реального процесса акцентирует внимание на характере русского человека, его эмоциональность в суждениях.

В обоих фильмах находится хотя бы один человек, который не поднимает руку за вердикт «виновен». Однако мотивация у них разная. Это говорит о различиях в правовой культуре граждан США и России. Герой Сидни Люмета, заметил у себя «обоснованное сомнение». «Обоснованное сомнение» – это другая версия кроме основной, которая отменяет обвинение, когда заседает суд присяжных. В этом случае суд обязан учесть, что вина подсудимого не может трактоваться однозначно [1]. Прокуроры, как правило, несут бремя доказывания и должны доказать свою версию событий по этому стандарту. Это означает, что предложение, которое представляется обвинением должно быть доказано в той степени, что не может быть никаких «разумных сомнений» в уме «разумного человека», что обвиняемый виновен. Именно так размышляет герой американского фильма. В фильме Михалкова мужчина, не поднявший руку, объяс-

няет свое решение так: «Как-то быстро, а как же поговорить?» Складывается ощущение, что он не обеспокоен судьбой мальчика, а скорее недоволен тем, что вердикт был вынесен так скоро. В фильме Люмета главный герой не уверен в виновности мальчика, поэтому он не может с чистой совестью обвинить его. Можно заметить, что в течение всего фильма герой не пытается раскрыть преступление и найти убийцу, ему важно доказать невиновность подсудимого. В фильме же Михалкова акцент сделан на другом – герои пытаются выяснить, кто убил отца мальчика, а не выяснить виновен ли подсудимый. Отсюда можно сделать вывод, что правовая культура гражданина Америки и России отличается. Первому важно не найти виновного, а оправдать невиновного, если он не совершал преступление. Об этом пишет кинокритик Лев Карахан: «Разгневанные мужчины Люмета, оправдывая подсудимого, даже не задумывались об истинном убийце. Им важно было утвердить как ценность сам закон, который обеспечивает справедливость и спасает от произвола вне зависимости от того, найден настоящий убийца или нет. Что же касается справедливости в «12», которая рождается непосредственно у нас на глазах из конкретных человеческих переживаний и бурных эмоций, то она не обеспечена, да и не приемлет в качестве ценности такую канцелярскую «условность», как закон» [2]. В понимании русского человека закон – это «условность». Герои, оправдывая мальчика, руководствуются не тем, что закон должен соблюдаться, а тем, что справедливость должна восторжествовать.

Еще одна важная тема, которую затрагивают режиссеры обоих фильмов – проблема адвокательства. Поскольку подсудимый беден, у него нет средств на достойного адвоката. Поэтому государство предоставляет ему бесплатного адвоката.

Тот в свою очередь ничем не мотивирован, его не наградят, если он выиграет дело. Адвокату все равно на исход событий и судьбу мальчика, поэтому он не прилагает никаких усилий на хорошую защиту. В Кодексе адвокатской этики написано, что бесплатная защита, то есть по назначению, и платная, то есть по соглашению, никак не должны различаться с точки зрения добросовестности подхода. Однако на практике этот институт, созданный ради помощи неимущим гражданам, не оправдывает свое существование. На сегодняшний день существует много случаев, иллюстрирующих эту проблему. К примеру, уголовное дело обвиненной в марте 2015 года в госизмене Светланы Давыдовой. Этот случай дал возможность увидеть, как работают бесплатные, предоставленные государством адвокаты по назначению. Определенный Давыдовой в защитники Андрей Стебенева не только не возражал против ее ареста, наоборот, он заявил, что для уголовного дела против нее есть все основания. А потом пропустил срок обжалования решения суда об аресте. Давыдова как обычная жительница Смоленской области, не знакомая с юридическими тонкостями только после этого отказалась от услуг Стебенева. Ее новый адвокат Иван Павлов сначала добился освобождения Давыдовой под подписку о невыезде, а затем и закрытия уголовного дела, так как состава преступления не нашлось. В итоге, адвокатская палата Москвы лишила Стебенева статуса адвоката, придя к выводу, что он не оказал своей подзащитной надлежащей юридической помощи [3]. Поскольку этот случай не единичен, это говорит о наличии серьезных проблем в российской юридической системе. И в том, и в другом фильме, герои рано или поздно понимают, что адвокат даже не пытался защитить обвиняемого, поэтому можно сказать, что проблема бесплатного

адвоката существует не только в России, но и в США.

Оба фильма показывают, что суд присяжных действительно необходимый институт судебной системы. Благодаря его существованию выносятся самые справедливые вердикты, потому что это решение принимают такие же люди, как и сами обвиняемые. На протяжении обоих фильмов фигурирует вопрос о компетентности и объективности людей (то есть присяжных заседателей). У всех людей есть некоторая информация, выведенная из имеющихся фактов и определенный набор знаний, жизненный опыт. Это формирует субъективный взгляд каждого человека на ситуацию. Одним словом, у каждого своя парадигма, поэтому люди так по-разному могут трактовать одни и те же события. Может показаться, что из-за того, что мы не знаем имен героев (режиссер не сообщает нам их намеренно), мы не знаем о них ничего. Однако режиссер дает нам более важную информацию о герое, нежели его имя, – место работы, отношения с детьми, детство. Гораздо лучше это показано в фильме Люмета нежели Михалкова. Например, один из мужчин – брокер, поэтому ему важны цифры и факты. Это влияет и на его отношение к делу, ведь он полностью доверяет фактам, предоставленным судьей. Другой мужчина провел часть своей жизни в трущобах, поэтому он понимает чувства мальчика и его угнетенность, поэтому он ему сочувствует. Еще один мужчина, который в конце концов один остается с вердиктом «виновен», уже четыре года не видел своего сына после крупной ссоры. Отождествляя подсудимого со своим сыном, герой не хочет оправдывать мальчика, поэтому долго и упорно стоит на своем. Однако в конце концов признает, что подсудимый невиновен. У всех присяжных разное воспитание и жизненный опыт, но их связывает

то, что они граждане страны, в которой живут, поэтому у них есть право на участие в отправлении правосудия, а это и реализует суд присяжных. В этом и есть плюс данного института судебной власти. Решение выносят люди разных взглядов из разных слоев общества, поэтому приговор получается наиболее справедливым. Об этом пишет С. М. Даровских: «Особенность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей состоит в том, что вопрос о виновности или невиновности подсудимого выносят не судьи-профессионалы, а такие же граждане, как сам подсудимый. Решения принимаются не на основании норм закона, а на основании представлений присяжных о справедливости, их житейского опыта и здравого смысла. Суд с участием присяжных заседателей представляет собой еще одну форму реализации права гражданина участвовать в отправлении правосудия, фактически это одна из форм контроля общественности за данным видом деятельности. Данный особый вид судопроизводства предполагает разделение задач в процессе: присяжные решают вопросы факта (было преступное деяние или нет, совершил или не совершал его подсудимый, виновен он или нет), а судья-профессионал решает правовые вопросы (вопросы юридической оценки деяния)» [4]. Таким образом, суд присяжных – важное изобретение судебной системы. Он не предполагает монополию мнения и вердикта, в суде присяжных действует полифония, то есть множество голосов людей абсолютно не похожих друг на друга.

Сравнивая институт суда присяжных в России и США, нельзя полностью опираться на фильмы, так как кино Михалкова во многом опирается на фильм Люмета, поэтому не всегда соответствует российской судебной системе. Во-первых, принцип единогласного вердикта. В большин-

стве штатов США и в некоторых странах присяжные могут принимать решение только единогласно. В других же – простым или квалифицированным большинством. В Российской Федерации присяжные только первые 3 часа не имеют права принять не единогласное решение, потом же могут вынести вердикт большинством голосов [5]. Также в фильме «12» старшина избирается перед началом совещания в совещательной комнате, а не перед рассмотрением дела, как положено по закону. Полностью отсутствует вопросный лист, присяжные решают как в США, виновен – не виновен. Хотя по действующему УПК в России сохраняется континентальная форма вердикта: перед присяжными ставится ряд вопросов. В этом случае должны были стоять вопросы: Доказано ли, что совершено убийство? Доказано ли, что убийство совершил подсудимый? Заслуживает ли он снисхождения? И это только минимальный набор. Во-вторых, в фильме Михалкова некоторые сомнения присяжных, которые легко устранить, задав дополнительные вопросы свидетелям, выглядят искусственными. В США присяжные не могут задавать вопросы свидетелям, подсудимым и экспертам, в то время как в России это возможно. В-третьих, этого нет в фильме, но так как мы сравниваем институт суда присяжных в США и России нельзя не упомянуть об отмене вердикта присяжных заседателей. М. В. Кот пишет, что в зарубежном судопроизводстве есть такой признак суда присяжных, как «нуллификация нормы права». Суть данного положения состоит в том, что присяжные в своих решениях должны руководствоваться нормами права, которые им преподносит судья, и на основании этого решать дело. В целом решения присяжных в случае, если они нарушают закон, будут отменены судьей. Однако согласно положению Конституции США о защите личности от «двойной угрозы»

невозможно отменить оправдательный вердикт, даже если он нарушает закон. Так, в судебной практике США имеются случаи, когда присяжные, зная о неоспоримости оправдательного вердикта, выносят решение оправдать обвиняемого по уголовному делу, несмотря на наличие прямых доказательств его вины. В данном случае это означает, что присяжные прибегают к возможности нуллификации. Правовыми следствиями реализации указанного правила присяжными являются влияние общества на законодательство, активизация его совершенствования в лучшую сторону. Так, в случае неоднократного и систематического вынесения оправдательных вердиктов присяжными заседателями по определенным категориям дел на основании правила о «нуллификации права» законодатель вынужден пересмотреть положения закона ввиду их неприятия обществом. Автор отмечает, что в данной части российская модель суда присяжных отличается наличием возможности отмены решения, в том числе оправдательного приговора, постановленного на основании решения присяжных заседателей [6]. Таким образом, институт суда присяжных в России и США похож по своей сути, но есть ряд принципов и деталей, которые характерны лишь для одной или другой страны.

Подводя итог, в фильмах Сидни Люмета и Никиты Михалкова можно увидеть довольно много вопросов, связанных с правовой системой в России и США. Вопросы правовой культуры граждан, проблему адвокатства, роли суда присяжных в системе судопроизводства. Однако, обращая на главные и сравнивая два фильма, можно понять в чем отличие правовой культуры и института суда присяжных в двух странах. Во-первых, граждане обеих стран по-разному понимают взаимосвязь закона и справедливости. Для гражданина

Америки, как присяжного заседателя, важно оправдать невиновного человека, а не найти виновного. В это время для гражданина России закон играет второстепенную роль – ему важно распутать преступление и понять, кто убийца, тем самым восстановив справедливость. Во-вторых, институт суда присяжных отличается в двух странах принципом осуществления единогласия, возможностью и невозможностью отмены вердикта присяжных заседателей и возможностью и невозможностью дополнительного допроса свидетелей. Кроме того, в обоих фильмах фигурирует проблема адвокатства, которая есть и в России, и в США. Анализируя оба фильма, можно также прийти к выводу, что суд присяжных – необходимый институт судопроизводства. Разный жизненный опыт, социальные слои и род деятельности кандидатов дает возможность широкого рассмотрения вопроса с разных его сторон. Суд присяжных также реализует право гражданина на отправление правосудия. Это дает понять гражданам, что они – часть этого процесса, поэтому имеют такое же право, как и судья, выносящий вердикт. Таким образом, суд присяжных формирует в гражданах чувство своей ценности и причастности к обществу и государству.

Библиографический список

1. Ганапольский М. 2007. Обоснованное сомнение // Сайт echo.msk.ru. 4 декабря (<https://echo.msk.ru/blog/ganapolsky/2104488-echo/>).
2. Карахан Л. 2008. Анализ крови. «12», режиссер Никита Михалков // Сайт old.kinoart.ru. январь (<https://old.kinoart.ru/archive/2008/01/n1-article3>).
3. Кувакин И. Защитник обвиненной в госизмене многодетной матери лишен статуса адвоката // Сайт rbc.ru. 23 декабря (<https://www.rbc.ru/society/15/04/2015/552e9af09a7947ac1914bac3>).

4. Даровских С. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 2003
5. Попова А. Д., 2016. Демократия, правосудие, гражданское общество: становление и взаимодействие. Проспект.
6. Кот М. В., 2017. Основные признаки и особенности суда присяжных // Теория и практика общественного развития. №2.

© Ландо Е. В., 2022.

STAGE ART AS A SPECIAL FORM OF WORLD UNDERSTANDING IN SYMBOLS

S. N. Shumakova

*Candidate of Art History, associate professor,
ORSID 0000-0002-2269-3149,
e-mail: svetlana-klr@ukr.net,
Kharkov State Academy of Culture,
Kharkov, Ukraine*

Abstract. The prevailing goal of stage art is to recreate life changes; the unfinished slogan of this statement is the postulate: the art of the stage is not only art; art involuntarily conceals the essence of the world outlook.

Considering the stage art from the point of view of the material that forms it, it turns out that we have before us the product of an energy process, where stage creativity is a clash of symbols. The so-called energetic aestheticism of the scene passes into another beginning – into a symbolic beginning. The images that arise in the stage art are, from the point of view of the manifestation of unity in them, perfect images of everything human as such. At the heights of stage creativity, a certain unity is postulated, in the center of which is the value and meaning of life. This unity is a symbol. First of all, symbolic unity is the unity of what we call content and form.

The author states, revealing the theme of the symbol, that conditional ideas about life reality, generalized and explicated by stage art, are emblematic concepts. The scene in the unity of creative forms with forms of symbolization, forms of images and their content actualizes the context of the worldview and the meaning of human life.

It is substantiated that stage symbol-making equally connects the givenness of the world of reality and the world of consciousness into the connection “reality-consciousness-image of immanent being”, “it throwing a bridge into the world of images, when the emblem takes the form of an allegory and interprets the unity of images. Allegory is a connection in a consciously chosen and built system of images; the allegory is the interpretation of the image, and the emblem is a certain scheme through which it appears as an allegory. Allegory combines the images of reality into a complex that is not actually given; this complex is an image of a new reality”, in which the stage work, on the basis of the evoked aesthetic experiences, places expressive accents as proposed worldview landmarks – a worldview in stage symbols. Thus, life is the object of aesthetic symbolization.

The author of the article emphasizes that the vital fully corresponds to the semantic organization of the mystery. The stage idea of the mystery play is presented as an interpretation of the value-essential layers and aspects of being.

In general, the author's position is in the interdisciplinary synthesize the theater studies of the analysis of the topic with the aesthetic and art history.

Key words: stage art; creation; symbol; form of world understanding in symbols; life change. semantic organization of mystery; stage idea of a mystery; value-essential layers and aspects of being; life as an object of aesthetic symbolization.

Experience shows that the meaning of new movements in art is as – much in the development of original methods of creativity, as in the illumination and deepening of understanding of the entire past in art. The principles of modern art have crystallized in the symbolic school of recent decades; Nietzsche, Ibsen, Baudelaire, later – Merezhkov-

sky, Ivanov and Bryusov developed the platforms of an artistic credo. This credo is based on the individual statements of the geniuses of the past about the significance of artistic creativity, in which symbolism summarizes and systematizes these statements: symbolism emphasizes the primacy of creativity over knowledge, the ability to transform im-

ages of reality in artistic creativity. In this sense, symbolism emphasizes the significance of the form of works of art, in which the pathos of creativity is already displayed in itself; symbolism therefore emphasizes and recognizes the fundamental importance of cultural meaning in its study. A symbol is an image taken from nature and transformed by creativity; a symbol is an image that combines the experience of the artist and features taken from nature. In this sense, every work of art is essentially symbolic. The modern stage art, if it wants development and deepening, cannot remain closed. It must connect itself with the general problems of culture, the reassessment of the philosophical and ethical values of European culture, the growing interest in cultural problems in a new light, compared with the recent past, putting forward the meaning of beauty, and vice versa – the modern stage artist includes cultural problems in his field of interest, and this inclusion unexpectedly connects the interests of performing arts with philosophical and ethical issues.

The final goal of the stage art is the re-creation of life; the unsaid slogan of this statement is the postulate: the art of the stage is not only art; in art the essence of world understanding is hidden involuntarily. The so-called aestheticism of the stage, carried out with all merciless consistency, passes into its opposite principle – into an ethical principle. The content of beauty, as soon as we try to formalize it, turns out to be connected with an ethical moment, or rather: the content of morality and the content of beauty are subject to the same norm. Therefore, for example, the consistent aestheticism and ideology of Ibsen emphasizes the ethical moment; only the ethical principle, defined from the side of beauty, goes back not to the forms of morality, but to the norm as some kind of transcendent obligation. Therefore, penetrating deeper into the essence of ethical norms, symbolism may seem to violate existing

forms of morality. The symbolic art of the last decades, taken from the side of form, does not essentially differ from the methods of eternal art. In one case, in new currents, we meet with a return to the forgotten forms of German romanticism; in another case, the East rises before us; in the third case, we have the visible emergence of new methods. These techniques, on closer examination, turn out to be only a peculiar combination of old techniques or their greater detail. Symbolic art, taken from the side of ideological content, is in most cases not new. Thus, for example, the peculiar ideology of Maeterlinck's dramas, the spirit of the elusive in them, is the result of the study of the old mystics in the peculiar charm of being transferred to a realistic worldview. Where the preaching of new forms of human relations begins in modern theatrics, there are attempts to practically apply ancient wisdom to the current historical period, where the cognitive value lies in the creation of ideas-images, the identification of which forms the most objective reality. Cognitive value is in the creative process of symbolization and the primacy of creativity over cognition is revealed. This is where fertile soil opens up for substantiating symbolism.

The stage designer is a philosopher who asks: "What dazzling horizons shine? How to measure the depth of the abyss that unfolded under your feet? From now on, the artist cannot but realize what a providential secret lies in his work. In creative service, he obeys the dictates of duty; he cannot but know what is the meaning of this creativity in the world of empirical reality?"

At the same time, it is revealed that a single symbolic life (the world of value) has not been unraveled at all, appearing to us in all its simplicity, charm and diversity alpha and omega. She is a symbol of some mystery, the approach to this mystery is an ever-increasing, seething creative striving that carries us, like phoenixes rising from the ashes,

over the cosmic dust of space and time. All theories break underfoot; the whole reality flies like a dream, and only in creativity remains the reality, value and meaning of life. This value itself is a symbol, realized in activity; the image of which, in turn, is symbolic. We begin to understand that all power is in the combination of knowledge with something; the pyramid of knowledge, the basis of which is the world, turns out to be connected at the top with its symbolic unity. And only in the revelation of this unity do we approach meaning; its disclosure – in the manifestation of value. So we involuntarily come to the study of creative monuments from the side of their form, content and relationships. Stopping at the stage art, we see that everything in it is form and content, isolated from its own sphere, which turns out to be a deep meaning.

Considering the stage art from the point of view of the material that forms it, it turns out that we have before us as a product of an energy process, where creativity is a collision of potential energies the artist, that turn into energies. Considering the stage art from the point of view of the feelings aroused by it, classifying the images of the stage art, we will not find any true principles of classification, except for the elements of spatiality and temporality.

The images that arise in the performing arts, from the point of view of the manifestation of unity in them, will reveal perfect images of the human, will lead to the heights of duty.

At the heights of stage creativity, a certain unity is postulated, the unity of creative forms with the forms of symbolizations, the forms of images and their contents; at the center of this unity is the value and meaning of life.

This unity is a symbol. First of all, symbolic unity is the unity of what we call content and form. Symbolic unity is the unity of

form and content. Such a definition of unity is still conditional, just as the very concept of a symbol is conditional.

It is necessary to dwell on the nature of conditional concepts that do not signify what cannot be contained in reality. Conventional concepts of reality are emblematic concepts; the givenness of the world of reality and the world of consciousness equally unites reality and consciousness into an image of immanent being, throwing a bridge into the world of images, when the emblem takes the form of an allegory and interprets the unity of images. Allegory is a link in a consciously chosen and arranged system of images; the allegory is the interpretation of the image, and the emblem is a scheme by which it becomes an allegory.

Allegory arbitrarily combines images of reality into a complex that is not given in reality. This complex is an image of a new reality, which differs from the given one in the same way that value differs from being. And that is why the transformation of the images of reality through theatrical creativity is either a premise of the allegory itself, or its figurative conclusion.

The symbolic unity of stage creativity is the unity of form and content, which brings us closer to the symbol, accepted by the pinnacle of any creative symbolization as something valid in itself and affirmed by this new reality in the world of being, which is valid only for creativity, which and predetermines aesthetic experiences.

Actually, we call aesthetic experiences those, the form of which is taken from images of immanent being, and which are realized in some material. Depending on the material, forms of art as such grow before us. The relationship between the forms of aesthetic creativity is equivalent to the relationship that exists between the constitutive and methodological form of real art, the idea of which is the re-creation of reality, as an effective im-

plementation of a process with the aim of recreating oneself and the world – a mystery process.

The idea of a real art of vital creation fully corresponds to the semantic organization of the mystery itself. The stage idea of the mystery is interpreted as interpreting the value-essential layers and aspects of being. Mystery is extended drama; at the same time, our individual life, when we try to define it from the point of view of aesthetics, is an expanded mystery. Finally, such a mystery is the whole history of mankind; our life is therefore an object of aesthetic symbolization. It is also an object of religious symbolization; aesthetic symbolization fragments our lives into art forms; religious symbolization reveals the life given to us as the indecomposable content of some form.

Thus, synthesizing the understanding of the symbol [2; 3; 4; 7], it is possible to determine:

- the meaning of creativity in the symbol;
- reality approaches the symbol in the process of cognitive creative symbolization and the symbol becomes reality in this process;
- approaching the knowledge of every meaning, we endow every form and every content with a symbolic being;
- the meaning of our existence is revealed in the hierarchy of symbols of creativity;
- the symbol is revealed in symbolizations (there he is created and known);
- symbolization is the emblematic of pure meaning;
- the symbol is the unity of cognition of the contents of experiences, cognition in the forms of experiences, creativity in the forms of experiences, in the creativity of cognitive forms, form and content;
- the symbol is known in emblems – figurative symbols.

Finally, we call symbols the images of our experiences; we mean by the image of experience the indecomposable unity of the

processes of feeling and thinking. We call this unity a symbolic image, because it is indefinable in terms of feelings, will and thought. The same unity is personified in each moment individually. We call an individual image of experience a symbol. We catch further a single rhythm in the change of our experiences, personifying the change with the change of moments. Images of experiences are located relative to each other in a certain order. This order we call the system of experienced symbols. Continuing the system, we see that it covers our life – life realized in rhythmic images.

In the process of cognition that Lipps calls “feeling”, we involuntarily see a spiritual root, and since “feeling” (Einfühlung) underlies aesthetic experiences, artistic creativity receives its illumination in the spiritual essence of creativity. Finally, the expression of the image of experiences in various kinds of plastic, rhythmic form leads us to the construction of this or that material of schemes expressing the combination of the image of visibility with the image of experience. Such material schemes are artistic symbols. The artistic symbol is therefore an extremely complex unity. He is unity in the arrangement of artistic material. Studying the means of artistic representation, we distinguish in them, firstly, the material itself, and secondly, the technique, in other words, the arrangement of material, the unity of means is the unity of arrangement, which predetermines the choice. Further: the artistic symbol is the unity of the experience of the moment embodied in the individual image. Finally, the artistic symbol is the unity of these unities (that is, the unity of experience in the methods of work). The artistic symbol given to us in incarnation is the unity of the interaction of form and content. Form and content here are only means – the very embodiment of the image is the goal [7].

Analyzing the stage symbol from the point of view of its form, it can be noted that

the form in a rough sense is predetermined in the symbol by the method of work. The reception of the work is predetermined by the conditions of stage space and time. The elements of space and time are predetermined by the form of the scenic creative process. The form of the creative process is predetermined by the form of individual experience. Considering the stage symbol from the side of its form, we get a series of forms escaping into the depths of the unknowable. Apparent content is only order in the division of form. The content of the scenic artistic image is an unknowable unity, that is, a symbolic unity.

And vice versa: starting from the apparent content, we begin to see that it is our vague excitement, but the form of creative vision depends on it, that is, the image that arises in our soul. And further: the very choice of rhythm and means of representation is predetermined. Both rhythm and means of depiction are the dismemberment of the content itself. In essence, we can talk about the features of artistic excitement, predetermined by the very form of creativity.

Starting from apparent content, it is vain to look for forms in the dissemination of content. The form will turn out to be an unknowable unity, that is, a symbolic unity. The stage symbol is, first of all, the excitement given in the means of stage representation. And vice versa: the means of scenic representation are given in excitement.

“The form is given in the content”, “the content is given in the form” – the main judgment that defines the symbol in art.

Comprehended images of experience that arise in the soul from the interpreted content are “created”. Defining a symbolic image as a unity of experience, given in the means of representation, we will call this unity an artistic symbol. The unity of experience, which takes the form of an image in our soul, we will call the symbolic image of experience. After all, the symbolic image of experience

may not be given in the means of representation. He is the image of our soul and, as such, occupies a place in the system of similar images, as a conscious system of symbolic images of experience.

Finally, we call any definition of artistic symbols emblems. The very definition of a symbol is called an emblem. Symbolism as a creative activity is usually confused with symbolism as a well-known system of thought that admits symbols in principle. Symbolism is usually confused with symbolization. It is necessary to characterize the terminological difference of these concepts in a nutshell.

Stage creativity has certain zones that it runs through, remaining unchanged in the internal unity of the aspirations of movement in the chaos of feelings. This unity has for its form the element of the soul, that is, it is expressed in the symbolic image of experiences. The symbolic image of experiences, taken out of the soul and imprinted in the material of stage representation, gives a more complex unity – an artistic symbol, as an attempt to revive this complex unity so that the symbol speaks the language of human actions.

The meaning of the stage symbol is in the artistic interpretation of the image, as in the unity and emotion that the image excites in us, and in the rational interpretation of this image. However, the symbol is indecomposable neither in emotions nor in discursive concepts; he is what he is.

In order to present the stage symbol in the fullness of its properties, it is necessary to expand its “semiotic” understanding through the definitions provided by different areas of humanitarian knowledge. In addition to symbolism, the humanitarian tradition emphasizes such properties of a symbol, as: figurativeness (iconicity), motivation, the complexity of the content of a symbol and the equality of meanings in it, “immanent” polysemy and vagueness of the boundaries of meanings

in a symbol, the archetypal nature of a symbol, its universality in a particular culture and cross symbols in the cultures of different times and peoples, the built-in symbol in the structure of different semiotic systems.

S. Averintsev often refers to the concept of a symbol through an image: “A symbol is an image taken in the aspect of its symbolism, it is a sign endowed with all the organic nature of myth and the inexhaustible ambiguity of the image... The objective image and the deep meaning appear in its structure as two poles, one inconceivable without the other (for the meaning loses its appearance outside the image, and the image crumbles into its components), but also divorced from each other and generating tension between themselves, in which the essence of the symbol consists... Turning into a symbol, the image becomes “transparent”, the meaning “shines through” through it, being given precisely as a semantic depth, a semantic perspective that requires a difficult “entry” into oneself” (Averintsev, 1968). The artistic image, according to N. Arutyunova, goes beyond its literal meaning, but does not go beyond expansion and generalization, a qualitatively new content (Arutyunova, 1988). An artistic image becomes a symbol when it begins to express a meaning that is different from its immediate content [1; 5].

From the point of view of the structure of semantic content, stage symbols are not just complex signs with a single complex in terms of content, which is created by adding and combining meanings or concepts of the worldview in its content-logical relation. The formation of new symbolic meanings of the worldview occurs due to the “crystallization” of its essential meanings, which is built on the manifestation of the creative spirit as such.

Thus, the stage symbol synthesizes the entire array of life practice of human existence, thereby acquiring an existential status and serving simultaneously as a reflection of the phenomena of the world and a means of

understanding being, not limited to its own subject area, but including the whole complex of meanings and “mysteries of consciousness”, looking at the world through the identification of thought patterns with reality itself.

Summarizing, we emphasize: the theatrical language of symbols, embodied in the transition from the philosophical understanding of individual events of the play to the modeling of universal human phenomena and the laws of the universe, draws configurations and dramatizes eternal truths about the structure of man and the world. The theatrical symbol, unique in that it can be realized both at the visual-acoustic level of form and at the level of representation of the image, up to the level of the archetype, implemented simultaneously at all levels during one performance. Theatrical symbol defines a single area of values projected onto the level of the symbol – image, as a reflection of the basic life processes or universal principles on earth.

Bibliography

1. Averintsev S. S. Artistic symbol // Brief literary encyclopedia. M. 1968.
2. Averintsev S. S. Symbol // Sofia-Logos. Dictionary. Kyiv: Duh i Litera, 2001.
3. Academic notebooks, Independent Academy of Aesthetics and Free Arts, Theater "School of Dramatic Art", M.1995. Issue 1.
4. Annua A. Living art. M.: GITIS, 1993.
5. Arutyunova N. D. From image to sign // Thinking, cognitive sciences, artificial intelligence. M., 1988.
6. Arto A. Theater and its counterpart. M.: MARTIS, 1993.
7. Bauer V., Dymots I., Golovin S. Encyclopedia of symbols. M.: KRON-PRESS, 1995.
8. Bachelis T. The value of form in the art of Lyubimov // World of Arts (collection of articles). M.: GITIS, 1991.
9. Brook P. Empty space. There are no secrets. M.: Artist. Producer. Theatre, 2003.

© Shumakova S. N., 2022.

UDC 378.18.062:378.661

MEDICAL UNIVERSITY ADAPTATION PROCESS DYNAMICS FOR CLINICAL PSYCHOLOGY STUDENTS

L. V. Snegireva

*Candidate of Biological Sciences, assistant professor,
ORCID 0000-0002-8935-0511,
e-mail: sneglv1@gmail.com,
Kursk State Medical University,
Kursk, Russia*

Abstract. The author has studied medical students' adaptation process dynamics with regard to academic activities of examinees. Majority of first-year students get emotional stress in university adaptation process regardless to their academic results. Adaptation process completion leads to students' anxiety level significant changes. Emotional discomfort is decreased for sophomores: number of high academic activity students with permanent emotional discomfort in educational process significantly decreases. Educational process is considered as stressful situation mainly by poor academic result sophomores. The author suggests to take into account the obtained data to organize university educational process.

Keywords: academic activity; adaptation process; anxiety level; professional education; dynamics; motivation.

Adaptation process dynamics of medical university students is considered by modern researchers as one of the leading factors to determine effectiveness of educational process [2, 4, 5]. Adaptation process affects all spheres of students' life, including emotional, social and academic components. Pedagogues study variety of factors to reduce negative adaptation impact: from university social life inclusion of first year students to usage of various forms of university educational process organization [1, 3, 6]. If adaptation process influence is taken into account, it allows to make the most effective university educational trajectory.

To solve the problem, the aim of study was formulated as to determine medical students' adaptation process dynamics with regard to academic activities of examinees.

The following research tasks were formulated:

1) to analyze students' academic activity throughout university adaptation process;

2) to grade students' situational anxiety levels throughout university adaptation process.

Materials and methods. 53 medical university students were examined: 29 first-year students during the first 3 months of studies and 14 sophomores in 1,5 years of studies. Examinees study clinical psychology in Kursk State Medical University. The anxiety level was evaluated by Spilberg-Hanin's scale. Situational (or reactive) anxiety was determined as actual respond to a stress and discomfort. It's considered as an indicator of stress intensity. Personal anxiety was considered as constitutional feature, examinee's tendency to be stressed from a wide range of situations. To interpret the results, the following scale was used: 1) up to 30 points – low anxiety level; 2) from 31 to 44 points – moderate level; 3) from 45 points and more – high level. Statistical analysis was performed with descriptive statistic. Students' academic activity was analyzed with the use of e-register. Results of measuring students' anxi-

ety level were used in research as subjective indicator of adaptation to university educational system to esteem adaptation process dynamics.

According to adaptation indicator studies, majority of first-year students (86 %) get emotional stress in university adaptation process. High anxiety level is caused by university education system novelty, self-doubt, fear of inconsistency with university level, their own hopes and expectations of parents. Emotional discomfort is found for majority of first-year students regardless to their academic results: about half (55 %) of examinees with high anxiety level has high academic activity. The other half (45 %) are students with poor academic results. Students' anxiety level changes significantly in process of adaption (by one third from first year to second year). Emotional discomfort is decreased in 57 % of sophomores (instead of 86 % of first-year students). Students gain emotional stability: 42.9 % of sophomores are characterized by moderate anxiety level (from 31 to 44 points) in comparison with 13.7 % of first-year students. Number of high academic activity students with permanent emotional discomfort in educational process also decreases (from 55 % to 17 %). Educational process is considered as stressful situation mainly by poor academic result sophomores (83 %). University adaptation process is not the main reason of students' emotional discomfort anymore. Poor academic result examinees become stressed in educational process mainly because of poor skills of self-organization and insufficient educational base.

Majority of first-year students get emotional stress in university adaptation process

regardless to their academic results. Adaptation process completion leads to students' anxiety level significant changes. Emotional discomfort is decreased for sophomores: number of high academic activity students with permanent emotional discomfort in educational process significantly decreases. Educational process is considered as stressful situation mainly by poor academic result sophomores. The author suggests to take into account the obtained data to organize university educational process.

Bibliography

1. Веретин С. В., Маркелов А. В. Направления и педагогические условия эффективности образовательного процесса в военных вузах // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13. № 7. С. 14–15.
2. Жирякова А. В. Информационно-образовательная среда вуза как условие эффективности образовательного процесса // Мир университетской науки: культура, образование. 2018. № 10. С. 66–72.
3. Китов А. А. Некоторые подходы к оценке эффективности образовательного процесса // Гуманитарные исследования в XXI веке. 2017. № 1. С. 51–56.
4. Куркина Н. Р., Стародубцева Л. В. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности образовательного процесса // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Т. 9. № 1. С. 14–17.
5. Снегирева Л. В. Изучение объективных и субъективных проявлений адаптации у студентов-первокурсников медицинского вуза // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 92–95.
6. Снегирева Л. В. Электронное обучение как инструмент развития способностей студентов к обобщению // 2016. № 6-2. С. 416–420.

© *Snegireva L. V.*, 2022.

УДК 908(470)

**ПОЧЕМУ КУЛЬТ ЛЮБВИ К СЕБЕ СТАЛ ТРЕНДОМ,
КОТОРЫЙ ПРИВОДИТ К ОБРАТНОМУ?**

Е. В. Ландо

*Студентка,
e-mail: klando@inbox.com,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

**WHY HAS THE CULT OF SELF-LOVE BECOME
A TREND THAT LEADS TO THE OPPOSITE?**

E. V. Lando

*Student,
e-mail: klando@inbox.com,
National Research University “
Higher School of Economics”,
Moscow, Russia*

Abstract. This article depicts how self-confidence became a "magic pill", the key to success in the modern world, how this position was strengthened by social networks and what role relationships with your body play in the process of self-acceptance.

Keywords: self-acceptance; self-confidence; psychology; body positive movement; influencers; social network; Euphoria.

Последний сезон подростковой драмы «Эйфория» стал не только важным поп-культурным явлением, но и затронул ряд социально-значимых тем, которые уже давно витали в воздухе, но еще не были озвучены. Показательной стала история Кэт Эрнандес (в исполнении Барби Феррейры) – девочки-подростка, которая проходит путь от неуверенности до самопринятия, но, как выясняется позже, продолжает страдать от отвращения к себе. «Проблема с ненавистью к себе заключается в том, что в какой-то момент весь мир помешался на культуре самопомощи», – говорит закадровый голос в эпизоде сериала. В комнате Кэт появляются вообразимые инфлюенсеры, которые то и дело

повторяют, что гордятся ее уверенностью в себе. На что героиня отвечает: «Уверенность, которую я изображала, была ненастоящей». После этих слов модели сходят с ума, продолжая скандировать популярные «вдохновляющие» фразы о самопринятии. Дело в том, что чувство неуверенности стало немодным в нашем мире. А уверенность, наоборот, приобрела облик «волшебной таблетки», универсального решения всех проблем, начиная от поиска партнера и заканчивая карьерным успехом. Началось это в середине 2010-х годов, когда получило популярность бодипозитивное движение. Первоначально оно было частью активистского движения 60-х годов – против капитализма и диетиче-

ской индустрии. Но со временем бодипозитивом стали называть все, что касается тела и его принятия, и использовать модное слово в контексте любви к себе. Говорить о важности «дружбы» со своим телом начали звезды, блогеры и инфлюенсеры. Но о том, что прийти к этому не так просто и быстро, мало кто упоминал. Поэтому многие, как Кэт из «Эйфории», поняли уверенность в себе как внешнее проявление – через поведение, одежду, макияж и речь. Но внутренние проблемы никуда не ушли, их лишь отложили на полку. Чтобы выяснить, когда уверенность в себе стала залогом успеха, как эту позицию укрепили социальные сети и какую роль в процессе самопринятия играют отношения со своим телом, мы поговорили с психологом Андреем Зберовским и психотерапевтом Аленой Золотаревой.

Внешняя уверенность в себе обманчива

Пример уверенных в себе голливудских звезд часто может спровоцировать у нас комплексы – почему она любит себя, несмотря на все недостатки, а я нет? Но рано или поздно мы видим реальную картину. Так было, например, с певицей Лиззо, которую многие критикуют за нездоровое тело. После многих лет пропаганды бодипозитива она начала принимать участие в программе похудения методом «очищения соком», чем расстроила своих поклонников. А в интервью Барби Феррейра, сыгравшая Кэт в «Эйфории», рассказала, что вышеупомянутая сцена была для нее личной: «Я не хочу, чтобы все просто сосредотачивались на том факте, что я уверена в себе, потому что это не так». Оба примера, во-первых, еще раз доказывают, что фотографии в социальных сетях не отражают реальную жизнь. А во-вторых, наталкивают на вопрос: почему мы стали отождествлять внешность с уверенностью в себе? Андрей Зберовский,

психолог, доктор культурологии и писатель говорит об этом феномене следующее: «На протяжении десятилетий позволить себе хорошо выглядеть могли только обеспеченные люди, поэтому подсознательно у нас сложилась причинно-следственная связь – если человек хорошо выглядит, скорее всего, он успешен. А дальше возникла обратная цепочка – если я буду вкладываться во внешность, состоятельные люди примут меня в свой круг, и я стану таким же. Осознание взаимобратной закономерности привело к тому, что в XXI веке мы воспринимаем внешность как инвестицию. И если раньше уверенность в себе опиралась на события в прошлом, сейчас она начала сводиться к внешним качествам. А социальные сети, в которых есть только фотографии и ничего больше, это окончательно закрепили». О том, что влияние социальных сетей и общественное давление опасно для здорового отношения к себе, говорит и кандидат психологических наук, заведующий лабораторией психосоматической медицины научно-образовательного Российско-китайского центра системной патологии, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, Алена Золотарева: «Зарубежные исследователи показали, что социальные сети и СМИ снижают самопринятие человека, а это нередко приводит к тревожным и депрессивным симптомам. В основе этих связей лежит механизм сравнения. Как мы можем понять, достаточно ли мы красивы или стройны? Все верно, нам нужно сравнить себя с другими и понять, где мы находимся на шкале красоты или стройности, близко или далеко от своих идеалов».

Отношение к телу – важная составляющая процесса самопринятия

Может возникнуть вопрос: почему мы говорим о процессе принятия себя только в контексте любви к своему телу? Дело в том, что отношение к телу – это важная

часть отношения к себе, без которой невозможно самопринятие в целом. «Это старый добрый принцип единства души и тела, на котором основана современная психосоматическая медицина», – говорит Алена Золотарева. Ее дополняет и Андрей Зберовский: «Наше мышление очень завязано на ассоциациях и с ними же связано принятие себя через внешность. С самого детства нам навязываются шаблоны. Например, волевой подбородок – признак мужественности, светлые волосы – признак сексуальности. Именно они формируют неправильное отношение к себе, исключительно через внешние проявления. Поэтому каждому человеку важно: первое – понять, какие шаблоны у него есть, и второе – стараться не поддаваться на их давление».

«Звучит понятно», – подумали блогеры и авторы тренингов и на волне популярности бодипозитива стали предлагать быстрые решения в виде марафонов и тренингов. Правда, курсы вроде «Полюби себя за 15 дней» с заявленными обещаниями не оправдали себя.

Почему «быстрые» советы не работают в процессе самопринятия?

«Быстрые» советы – это не всегда плохо. Они могут помочь в решении конкретных задач: к примеру, техника правильного дыхания при панических атаках. Но быстрый результат подходит не для всех вопросов. Во-первых, такие советы заставляют нас верить в силу «волшебной таблетки», которая поможет всем и каждому. Но причины, лежащие в основе любых внутренних проблем, складываются из нескольких факторов. И у каждого человека они свои. «Причины, по которым мы не можем принять или полюбить себя, не лежат на поверхности. Любые серьезные изменения требуют нашего труда и усилий. Даже обращаясь к психотерапев-

ту, некоторые клиенты ждут от него магии и сильно разочаровываются, когда узнают, что работать в терапии придется им самим. Психотерапевт – лишь проводник человека на пути к принятию себя и других, он помогает найти не быстрые, а уникальные рецепты для конкретного клиента», – говорит Алена Золотарева. Во-вторых, для того, чтобы мыслить по-новому, сперва нужно разрушить старые установки и модели мышления. Андрей Зберовский подтверждает: «Есть такая поговорка: «Привычка – вторая натура». Для автоматизации любого действия, в том числе поведенческого, требуется несколько месяцев. В среднем для формирования новой привычки достаточно порядка двух-трех месяцев. Поэтому за короткий курс в несколько недель наш мозг просто не успевает освоить нужный навык или модель мышления».

Как понять, что я на верном пути к принятию себя?

Как мы уже говорили ранее, внешний образ или поведение не всегда отражают реальность, а все психологические изменения субъективны и их невозможно увидеть. Поэтому человек только сам может определить степень собственного психологического комфорта. Как это сделать? Алена Золотарева предлагает использовать визуальную аналоговую шкалу – линейку с делениями от 0 до 10. Обычно такую использует невролог для определения степени боли, которую испытывает пациент. Но в последние годы она все чаще встречается в психотерапии для определения прогресса клиента. «Оцените по шкале от 0 до 10, насколько, по вашему мнению, вы принимаете самого себя, а затем оцените по этой же шкале, насколько вы хотели бы себя принимать. Здесь нет никаких норм, но если ваша позиция на шкале самопринятия высока и близка к

желаемой, то, скорее всего, вы на верном пути».

Таким образом, социальные сети продолжают быть инструментом, помогающим создавать ложные представления о тех или иных установках. Сейчас, на волне культа осознанности и познания себя, это коснулось таких понятий, как самопринятие, уверенность в себе и любовь к себе. Сейчас чувство уверенности в себе сводится лишь к внешним, а не внутренним проявлениям, однако важно помнить, что образ человека в социальных сетях – это не отражение реальности и за картинкой невозможно понять, что на самом де-

ле чувствует человек. Поэтому, по словам экспертов, важно стараться не сравнивать себя с другими людьми, а тем более с теми, с кем мы не знакомы в реальной жизни, и понимать, что процесс самопринятия длителен и сложен, поэтому так называемые «быстрые» советы к нему не применимы. Более того, психологические изменения всегда субъективны, поэтому мы можем определить степень собственного психологического комфорта только сами, сравнив свое «до» и «после» и понять, что мы действительно на верном пути.

© Ландо Е. В., 2022.

THE UNITED STATES' NATIONAL STRATEGIC CULTURE AS APPLIED TO THE INDO-PACIFIC REGION

Yu. Markova

*Student,
ORCID 0000-0002-2675-0438,
markova_julij@mail.ru,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. This article attempts to embrace the entire complexity of the United States national strategic thinking as applied to the Indo-Pacific region. The author indicates transformation of the international system and dwells on how this development is reflected in the creation of a relatively new concept of Indo-Pacific. It is worth saying that the article covers foreign policy strategy, not military one, but they both share some general tenets. Then the distinctive features of U.S. strategic culture are highlighted. At the end of the article, the author summarizes briefly the current US Indo-Pacific strategy.

Keywords: strategic culture; Indo-Pacific; transformation of the international system; US national security strategy; US-China relations.

Currently, we can witness the transformation of the international system with the following specific aspects: a change in the balance of power in favor of emerging economies (mainly Asian ones, which are now among the top 20 countries by GDP [7]), acceleration of globalization pace, increased cross-border activity, the emergence of new global threats, etc. These developments are reflected in the establishment of a relatively innovative concept of Indo-Pacific, which replaced its predecessor, the Asia-Pacific region [2].

U.S. strategic thinking has had to adapt to this evolving environment, which resulted in the Trump and then current U.S. President Biden's Indo-Pacific strategies. It should be noted that in their 2017 and 2020 national security strategies, one of the main threats is China. Trump's NSS mentions it 33 times [1]. Biden's Interim National Security Strategic Guidance mentions it 15 times [4].

During the Obama administration, foreign policy shifted to the rapidly developing Asia-Pacific region, which had the potential for accelerated economic and political growth with uncertain future prospects and the probable emergence of new challenges, given the territorial disputes there. In such an atmosphere, the U.S. decided to increase its presence in the region in order to maintain the status quo with U.S. dominance and to guide this evolution in a beneficial direction for Washington, especially as China increasingly assumed more responsibility in the region and challenged the established pattern of relations there.

Before discussing the projection of U.S. strategic culture on Indo-Pacific, we should first define its key characteristics and give a definition of the concept. Strategic thinking and culture itself began to be actively studied in the 1970s, which was associated with the Cold War. T. Mahnken gives the following

definition: “Strategic culture is that set of shared beliefs, assumptions, and modes of behavior, derived from common experiences and accepted narratives (both oral and written), that shape collective identity and relationships to other groups, and which determine appropriate ends and means for achieving security objectives [5].”

C. Gray describes American strategic culture as follows: “That culture referring to modes of thought and action with respect to force, derived from perception of the national historical experience, aspiration for self-characterization...and from all of the many distinctively American experiences (of geography, political philosophy, of civic culture, and “way of life”) that characterize an American citizen. [3]”

Historically, the U.S. has had an abundance of natural resources and so-called “free security,” which eventually made the U.S. a sanctuary country for migrants. A promoted individualism in resource exploitation has enabled the US's rapid progress. It is worth noting that some researchers consider free security a myth [6], but it is nonetheless present in explaining the U.S. place in the world. Generally, it refers to the absent need to defend oneself against an external enemy. This eventually led to a rejection of European power politics.

The U.S. now sees itself as an exceptional transformative force, a global leader in international affairs that promotes the only right values and punishes those violating them. This manifests itself in a desire to replace undemocratic governments in the world with more friendly ones. In short, U.S. strategic thinking is about maintaining its dominant role in the world.

This is projected on the region in question. Consistent with the above characteristics of national strategic thinking, American Indo-Pacific doctrine aims to: 1) creation of a more flexible system of relations with allies under the leading role of the United States. It

is known that the US has signed security treaties with many countries in Info-Pacific, and they, in turn, are reluctant to confront Beijing openly, being aware of their economic dependence on it. Although opposition to China in this sense will not lead to alliances in their traditional sense, it nevertheless creates a circle within which Washington can play a key role in pursuing security policy;

2) Preventing the growing involvement of “third countries” in the region (e.g., Russia);

3) Identifying new forms of cooperation with China, under which the containment of Chinese ambitions will continue while maintaining stable relations in areas where the interests of the two countries converge or diverge minimally. The National Security Strategy of the current U.S. president indicates the importance of this. It also includes preventing the creation and strengthening of new regional security organizations with China playing a defining role;

4) More active U.S. participation in regional organizations (example – ASEAN, with which the U.S. has signed a Treaty of friendship and cooperation) to give their evolution the vector needed for America;

5) Intensifying the spread of the immutable values of democratic peace. This is manifested in helping the local states to strengthen the relevant authorities;

6) Strengthening military capabilities in the region, especially in the South China Sea.

Thus, we can conclude that the current U.S. plan of activity in the Indo-Pacific region clearly correlates with the national features of its strategic culture.

Bibliography

1. Donald J. Trump. National Security Strategy // The White House, Washington DC. – 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
2. Goodbye Pacific Rim, Hello Indo-Pacific? // Valdai Discussion Club. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/goodbye->

- pacific-rim-hello-indo-pacific/ (accessed: 15.04.2022).
3. Gray S.C. National Style in Strategy: The American Example // *International Security* 6. – № 2. – P. 21–47.
 4. Joseph R. Biden, Jr. Interim National Security Strategic Guidance // The White House, Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>
 5. Mahnken T. G. United States Strategic Culture // Federation of American Scientists. Intelligence Resource Program. URL: <https://irp.fas.org/agency/dod/dtra/us.pdf> (accessed: 12.04.2022).
 6. Zakaria F. The Myth of America's "Free Security" // *World Policy Journal*. – Vol. 14. – № 2. – P. 35–43.
 7. Валовой внутренний продукт // Мировой атлас данных. URL: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%D0%92%D0%92%D0%9F> (accessed: 15.04.2022).

© *Markova Yu.*, 2022.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable.

The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for ex-ample: PP-German P. The payment confir-mation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example PP-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proofread and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную.

При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ПП-ФИО, например: **ПП-Петров ИВ** или **PP-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
ORCID
Место работы
Должность
Домашний адрес **с индексом**
Сотовый телефон
E-mail
Необходимое количество печатных экземпляров
Необходимое количество печатных сертификатов
Отправка простым или заказным письмом

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2022 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 сентября 2022 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2022 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2022 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2022 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2022 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2022 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5 октября 2022 г.	Вопросы науки в современном мире
12–13 октября 2022 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2022 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2022 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2022 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2022 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2022 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2022 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2022 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2022 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2022 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2022 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2022 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
28 ноября 2022 г.	Вопросы науки в современном мире
1–2 декабря 2022 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2022 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2022 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• РИНЦ (Россия),• Directory of open access journals (Швеция),• Open Academic Journal Index (Россия),• Research Bible (Китай),• Global Impact factor (Австралия),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия),• Universal Impact Factor	<ul style="list-style-type: none">• Global Impact Factor – 1,721,• РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• Cite Factor (Канада),• General Impact Factor (Индия),• Scientific Journal Impact Factor (Индия)	<ul style="list-style-type: none">• Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США),• General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none">• Research Bible (Китай),• Scientific Indexing Services (США)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

PARADIGMATA POZNÁNÍ

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 2, 2022

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

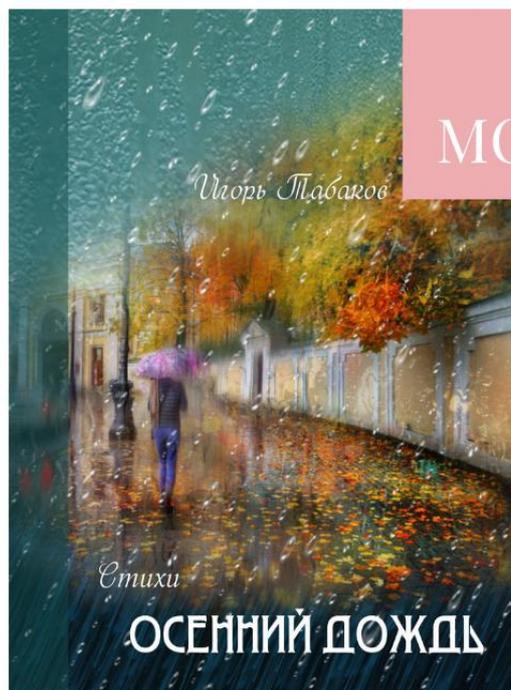
*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations,
statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – Ž. V. Kuznecova
Produkce – I. G. Balašova

Podepsáno v tisku 16.06.2022. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 6,2.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
IČO 29133947
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

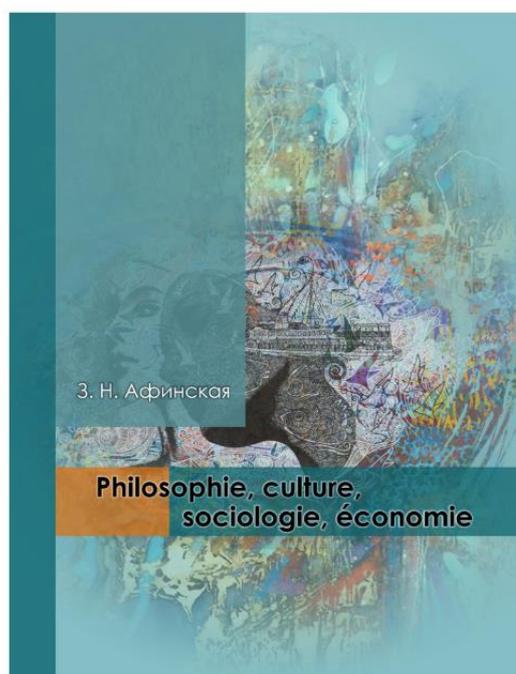
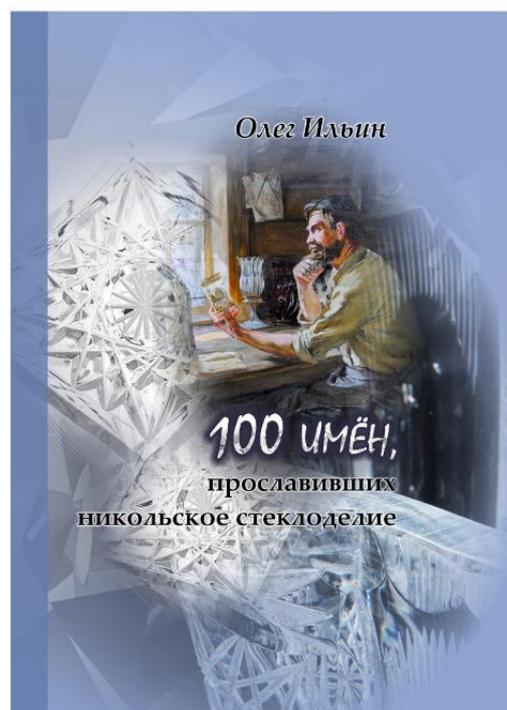
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору